

The background of the cover is a detailed illustration of a fantastical landscape. In the foreground, two knights in full plate armor stand on a rocky, forested ridge. The knight on the right is seen from behind, holding a sword. The knight on the left is further away, also holding a sword. The landscape is filled with tall, thin evergreen trees and rolling hills. In the distance, a massive, white, crystalline city with spires and towers rises into a sky filled with streaks of light and falling rain or snow. The overall atmosphere is one of grandeur and mystery.

Владимир Микульский

Незаконнорожденный
ПОСОЛЬСТВО
В
ПРЕИСПОДНЮЮ

Владимир Микульский

Незаконнорожденный.
Посольство в преисподнюю

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Микульский В. В.

Незаконнорожденный. Посольство в преисподнюю /
В. В. Микульский — «ЛитРес: Самиздат», 2011

5,5 тысяч лет назад в Междуречье, в развивающемся городе Кадингир, происходит военный переворот и власть захватывает верховный жрец. Город получает новое имя Вавилон. Царь страны Аккад, расположенной на северо-западе Междуречья, пытается подчинить своему влиянию Элам, страну на востоке от Персидского залива, и, объединив ресурсы и силы, завоевать Междуречье. Его планам противодействуют Вавилон, Алум Ашшур (будущая Ассирия), на то время еще слабая торговая республика, и часть знати Элама.

© Микульский В. В., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

Содержание

1. Таверна «Крылатый лев»	5
2. В гостях у жреца	12
3. Размолвка	15
4. Нападение	20
5. Верблюжьи скачки	22
6. Сражение у зиккурата	24
7. Переворот	27
8. Маршрут	31
9. Богослужение и отправка	35
10. Плавание по Евфрату	37
11. Нападение амореев	40
12. Водоворот	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

1. Таверна «Крылатый лев»

– Твоя очередь, о достопочтеннейший! – такими словами крепкий средних лет мужчина, меднокожий, с иссиня-черной бородой, горбатым носом и кривыми зубами, требующими вмешательства лекаря, специализирующегося на них, обращался к сидящему напротив него совершенно пьяному собеседнику.

Вообще-то за небольшим квадратным столом их было четверо. Кроме уже описанного кривоzubого человека два боковых места занимали еще молодые, зим по два с половиной десятка каждому, люди наружности, выдающей их местное происхождение. Одеты все трое были примерно одинаково – сработанные из хорошей ткани полотняные штаны, длинные рубашки с широкими рукавами у кривоzubого и без рукавов у молодых людей, не скрывающие поросшую густыми черными волосами грудь, на ногах плетеные сандалии. На поясах каждого висели в узорчатых ножнах короткие деревянные кинжалы с узкими бронзовыми вставками в качестве лезвий. Конечно, никому не возбранялось иметь хоть целый арсенал вооружения, но носить что-либо большей длины, чем было оговорено в законах, в городе не разрешалось. Виновные приговаривались к крупному штрафу или бичеванию. Это зависело от толщины кошелька виновного. Въезжающие в город должны были отцепить меч и везти его отдельно, в повозке или на лошади. Конечно, этот закон не распространялся на воинов и на городскую стражу. Но распространялся на сидящих за столом людей.

Четвертый же своей внешностью в корне отличался от всех других, находящихся в помещении. На вид ему было так же, как и двоим из трех сидящих вместе с ним за столом, около двух с половиной десятков зим. Огромного роста, светлокожий, с гладко выбритым загорелым почти до бронзового оттенка лицом, прямым носом и резко очерченным волевым подбородком. Длинные светлые прямые выгоревшие под южным солнцем до белизны волосы на лбу схвачены узким узорчатым пояском и свободно лежали по плечам. Небесно-голубые глаза, затуманенные выпитым вином, то и дело закрывались, и он наклонялся вперед, почти падая туловищем на стол, но в последний момент, словно приходя в себя, выпрямлялся, чтобы тут же снова начать ложиться на стол. Одежда его не отличалась от одежды сидящих вместе с ним людей. И тоже короткий кинжал на поясе, только ножны попроще и сам кинжал полностью бронзовый. Да за спиной у него, в нарушение закона, укреплен был в кожаных ножнах двуручный меч огромной длины, оружие исключительно редкое, точнее, уникальное не только в этих местах. Черная большая рукоять без всяких украшений не свидетельствовала о простоте оружия, наоборот, ее цвет и вид свидетельствовал как раз о том, что этому оружию не могут противостоять даже дорогие, имеющиеся только у очень богатых людей бронзовые мечи. Многие слышали про такое оружие, которое легко разрубает бронзовый меч, оставаясь само без всяких повреждений, но воочию видели его считанные единицы. Никто не знал, где и как оно изготавливается, и в народе поговаривали, что это изделия богов, ибо не под силу человеку создать такое оружие, да и нет в мире материала, из которого оно создано.

Перед каждым стояла большая кружка местного вина, которую служанка хозяина, молодая разбитная девица, тут же наполняла вновь, стоило той хотя бы немного опустеть. В центре стола лежала груда тонких золотых слитков, золотых же цепей и других разнообразных украшений. Двое из четверых, самые молодые, уже спустили свои деньги и имеющиеся у них украшения и выбыли из игры, находясь за столом в качестве наблюдателей. В игре остались только двое – кривоzubый мужчина, на которого, казалось, выпитое вино совершенно не действовало, и светлокожий совершенно пьяный гигант напротив него.

Играли в кости, в семерочку. Правила ее были чрезвычайно просты. Изначально у каждого на руках находится по двадцати одной фишке. Бросаются две кости. Набрал семь очков

– забирай у собеседников по семь фишек. Побеждает тот, кто соберет у себя все фишки. Но набрал больше или меньше семи – разницу между семеркой и своим числом отдай собеседникам. Но при этом добавляй на стол и штраф за каждое очко. Поэтому и лежала на столах груда золота, собранная на штрафные очки. К описываемому моменту почти все фишки игроков были уже у кривоzubого. Перед гигантом остался всего с десяток фишек.

Все это происходило в городе, именуемом Кадингир. К этому времени это был уже разбитый большой город, окруженный рядом мощных стен. Он имел совершенно прямоугольную планировку и был на две половины разделен рекой Евфрат. К востоку от реки располагался непрерывно расстраивающийся храмовый комплекс, посвященный верховному божеству Амар-утуку, которого его жрецы все активнее теперь требовали называть Мардуком. К западу от реки находился царский дворец. Здесь же сосредоточились апартаменты важнейших государственных чиновников и дома крупнейших купцов и военачальников. Вдоль городской стены располагались дома победнее, в которых проживали простые горожане. Город уже в эти времена вызывал удивление приезжих своими трех- и четырехъярусными домами. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: земля внутри стен была настолько дорогой, что это заставляло постройки расти не вширь, а ввысь. Таверны этой части города также подразделялись на заведения, предназначенные для простого народа, где и внутреннее убранство, и подаваемая еда были попроще, и на заведения для имеющих средства, где на втором и третьем ярусах находились богато убранные комнаты, сдаваемые постояльцам за приличные деньги, а еду можно было заказывать прямо в апартаменты, не спускаясь в имеющийся внизу общий обеденный зал. В такие таверны частенько наведывались мошенники всех мастей, знающие, что сюда приходят люди с толстыми кошельками, и старающиеся урвать себе если не все содержимое кошелька, так хотя бы его хорошую часть.

Таверна «Крылатый лев», где и проходило описываемое действие, относилась к заведениям для богатых. Внутри нее стояло несколько больших и маленьких столов, сработанных из драгоценного палисандра, вокруг которых располагались мягкие табуретки. Открытые окна были затянуты тонкой тканью, пропускающей воздух, но задерживающей всякую летучую нечисть, коей нашпигован был воздух жаркой страны. Потолок обширного обеденного зала подпирало несколько колонн, на которых были закреплены лампы для освещения.

Хозяин таверны, сидя за небольшим столиком у двери, ведущей на кухню, руководил несколькими девицами, обслуживающими находящиеся здесь посетителей. Сегодня посетителей по причине сравнительно раннего времени было еще немного. За колонной у стены сидели и о чем-то негромко беседовали каких-то два человека. Один из них, недавно разменявший сорок зим, похожий на богатого купца, судя по одежде, был явно не местный. Второй, уже разменявший полсотни зим, был с гладко выбритой головой, в просторной длинной белой одежде жрецов бога Амар-Утука, однако с литыми массивными золотыми украшениями на руках и толстой золотой цепью на шее. Неподалеку от них за большим столом расположилась группа из шести молодых жрецов также в белых одеждах, оставляющих открытыми руки и ноги, но на плечи их были накинуты хорошего качества длинные плащи, под которыми угадывались рукоятки мечей. На каждого молодые жрецы взяли лишь по небольшому кувшину светлого слабенького пива, правда, в еде себя не ограничивали. Ближе к выходу за большим столом расположилась группа из трех крепких мужчин, взявших также много еды, но мало выпивки, время от времени бросавших быстрые взгляды на четверку уже знакомых нам игроков в кости.

Хозяин таверны вздохнул: ему уже было вполне понятно, что в его таверне группа мошенников сейчас обирает пьяного гиганта. Он понимал, что трое игроков, сидящих за столом вместе с гигантом, действуя вроде бы каждый самостоятельно, а на самом деле заодно, сумели спить его и завлечь в игру на большие деньги. А трое сидящих у выхода – группа прикрытия на случай появления какого-нибудь дружка обираемого недотепы. Однако он, много повидавший, знал: попробуй он сейчас вмешаться, его ждут очень большие неприятности, вплоть до

удара кинжала. Он также знал, что перед тем, как покинуть его таверну, мошенники в качестве платы оставят ему несколько золотых цепей, так что он внакладе не останется. Одновременно хозяин в душе и сочувствовал обираемому гиганту, и обругивал его: не напивайся до скотского состояния, тогда с тобой ничего такого не случится. Сам виноват!

Что же касается сидящего в стороне у стены жреца – это был особый посетитель. Он уже не первый раз появлялся здесь, и хозяин отлично знал, кто он такой.

Конечно, начнись сейчас здесь какая-нибудь заварушка и обнаружись, что в его заведении мошенники обобрали человека, хозяина ждал бы крупный штраф. Но вину хозяина таверны еще надо было бы доказать – все присутствующие достаточно хорошо одеты, ничто не выдает в части из них мошенников, и игра в кости в тавернах не запрещена. Так что с него в любом случае взять нечего. А на столе перед игроками уже действительно порядочная груда золота. Кроме того, наличие в зале жреца служило для хозяина дополнительной гарантией неприкосновенности. В случае чего всегда можно было обратиться к нему за помощью. Как раз именно присутствие здесь жреца и заставляло хозяина закрывать глаза на происходящие в его заведении события.

Хозяин таверны еще раз вздохнул и, окончательно решив не вмешиваться, что бы там ни случилось, отвернулся.

– Твоя очередь, о достопочтеннейший! – еще раз повторил кривоzubый, ставя перед гигантом глиняную кружку, в которой брякнули кости.

Гигант уставился на нее, как будто не понимая, что делать. Затем его большая ладонь обхватила кружку, встряхнула ее и, перевернув в воздухе, дном вверх опустила на стол. Гигант убрал руку и снова качнулся на табурете, едва не упав с него на пол. Один из сидящих сбоку стола молодых людей поднял кружку вверх.

– Смотри, две пятерки, – показал он, – три фишки с тебя и штраф за них!

Гигант молча полез в карманы. Там было пусто. Он вытряхнул над столом висящий на поясе кошель – ни одной пластинки не вывалилось из него. Все его золото уже было в куче на столе. Тогда гигант сорвал с шеи большую золотую цепь, последнее украшение, остающееся на нем, и бросил ее поверх золотой груды.

– Хватит? – пьяным голосом осведомился он.

– Хватит, хватит! – равнодушным голосом ответил кривоzubый, хотя его глаза буквально пожирали груды золота, а по лицу время от времени прокатывались волны нетерпеливого ожидания.

Перед пьяным гигантом осталось всего семь фишек. А кривоzubый, взяв кружку и забросив в нее звякнувшие по дну оба кубика, покрутил ее в воздухе и не опустил кружку на стол, а бросил кубики с высоты, что не запрещалось правилами. Кубики, несколько раз перевернувшись, остановились. На одном из них на стороне, обращенной вверх, было четыре выдавленных черточки, на другом три, что в сумме давало семь, ровно столько, сколько фишек оставалось у гиганта.

– Я выиграл! – глаза кривоzubого радостно засверкали, и он потянулся рукой к золотой груде, лежащей перед ним.

И тут же крик боли забился под сводами таверны – молниеносным движением гигант кинжалом пригвоздил его руку к столу, по самую рукоятку вогнав его через тыльную сторону ладони в толстую доску.

Молодые жрецы было привскочили, но, взглянув на жреца, сидящего у стены, снова опустились на места, делая вид, что все это их не интересует. Жрец и его собеседник, не трогаясь с места, с интересом наблюдали продолжение действия, разворачивающегося перед ними.

Двое молодых людей, сидевших по бокам игрового стола, выхватили кинжалы и бросились было на гиганта. Но в следующее мгновение он сгреб их за грудки и, с силой ударив над столом лбами друг о друга, как тряпичные куклы отбросил в разные стороны. Гигант уже не

сидел, а нетвердо стоял, покачиваясь на ногах. Трое сидящих ближе к выходу сообщников мошенников также выхватили кинжалы и метнулись к игровому столу. Первый из них, получив страшный встречный удар кулаком, спиной вперед перелетел через зал и вывалился в окно, унеся с собой закрывающую его штору. Двое других, не ожидавших такого отпора, приостановились, затем развернулись и бросились бежать к выходу. Запущенный мощной рукой тяжелый табурет угодил в голову одному из убегающих, и он по инерции, уже будучи без сознания, врезался в стену рядом с дверью и рухнул на пол. Второй же выскочил было через дверь наружу, но тотчас влетел спиной вперед обратно в дверь и также растянулся на полу, а в дверь, держа наготове мечи из твердого дерева, ворвался десяток стражников, случайно проходящих мимо таверны и почуявших неладное после выпадения сбитого ударом кулака гиганта мошенника из окна прямо к ним под ноги. Следом появился десятник, начальник стражников. Он быстро окинул взглядом помещение и направился к столу, в центре которого по-прежнему лежала груда золотых вещей, с одной стороны стонал кривоzubый человек, рука которого кинжалом, как гвоздем, была прибита к столешнице, а с другой уже не стоял, а снова сидел сидел пьяный гигант с длинным мечом за спиной, время от времени проводивший рукой по лицу, как будто стремился разлепить закрывающиеся глаза.

– Хозяин, что здесь произошло? – строго спросил десятник.

Не успел тот ответить, как гигант перегнулся через стол и ударил приколотую к столешнице руку снизу по рукаву, вызвав новый болезненный стон у кривоzubого. Из рукава вывалились еще две кости и покатались по столу. Гигант, не говоря ни слова, резким движением вырвал кинжал из стола и из руки, вызвав новый вскрик кривоzubого, и ударил окровавленным клинком по костям, на которых вместе было семь черточек. Обе кости развалились, открыв находящиеся внутри них бронзовые шарики утяжеления, вставленные таким образом, чтобы на костях при бросании выпадала в сумме семерка. Налицо был факт мошенничества. Гигант же сделал еще один огромный глоток вина из кружки, выронил кинжал, звякнувший по полу, и свалился головой на стол.

– Так, понятно, – сказал десятник, – взять их! – показал он на разбросанные по полу тела.

В считанные мгновения все шестеро мошенников, в том числе и стонущий кривоzubый, были связаны.

– Хозяин, – продолжил десятник, – у тебя в заведении происходила мошенническая игра! А это запрещено законом! Все золото, участвующее в мошеннической игре, по закону, подлежит конфискации в пользу государства. А на хозяина заведения должен быть наложен штраф. Тебе это известно?

Хозяин таверны, подскочивший к столу, уже подозревая, что сегодняшний день не принесет ему ничего, кроме убытков, сокрушенно развел руками.

– Кроме того, у тебя в заведении находится человек с оружием длины большей, чем разрешено законом. Кто он такой, твой постоялец? Ты же не сообщил об этом властям, и также можешь быть подвергнут крупному штрафу так же, как и он!

– Это не мой постоялец, и я не знаю, кто он, – заюлил хозяин таверны, – он зашел перекусить, а тут появились вот эти, – он показал на связанных понемногу приходящих в себя мошенников, – и втянули его в игру.

– Десятник! – раздался от стены повелительный голос жреца, – подойди сюда!

Десятник, помедлив, взглядываясь, направился в сторону голоса.

– Знаешь, кто я такой?

Десятник покорно склонил голову: – Знаю, о господин, и прошу благословения для себя и своих подчиненных!

– Мардук милостив и благословляет вас моими руками! Я являюсь свидетелем этого дела и поясню, что эти люди, – жрец указал на связанных, – действительно мошенники и заслужи-

вают наказания. Этот же воин, – он указал на пьяного гиганта, – является личным телохранителем Хутрапа, посла дружественного нам Элама, сидящего напротив меня.

Он толкнул под столом ногой собеседника, глаза которого начали было удивленно округляться, но который тут же взял себя в руки и изобразил на лице строгую серьезную мину.

– А по закону послы дружественных государств могут иметь среди сопровождающих одного воина с мечом любой длины. Тебе известно это?

– Известно, о господин, – ответил десятник, – но мошенническая игра в заведении...

Жрец вышел из-за стола и подошел к столу с кучей золота, рядом с которой лежал кинжал.

– Хозяин не виноват, что мошенники зашли в его таверну, – заключил он, – он не мог знать об их намерениях, как не мог видеть, что заключено внутри игральные кости. Это доступно богам, но не людям. Поэтому ему следует заплатить за еду и питье из средств мошенников.

Жрец взглядом указал хозяину таверны на лежащий на полу кинжал. Тот тут же подобрал его, вытер кровь о полу собственной одежды и, держа за лезвие рукояткой вперед, с низким поклоном подал жрецу.

Тот взял кинжал, острием подцепил лежащую поверх груди толстую золотую цепь и бросил ее хозяину таверны, который, ловко поймав ее, еще раз согнулся в почтительном поклоне. Стоимость цепи в разы превышала сумму его убытков. Как всегда, очередное появление здесь жреца, да будет он здоров и благословенен, вместо убытков принесло ему новую прибыль.

– А золото... – снова заикнулся было десятник.

– Что же касается золота, то ты сам упомянул закон, согласно которого оно должно быть конфисковано. Исполняй его и действуй не медля!

Десятник согнулся в поклоне и отдал команду. Золото стражники тут же завязали в кусок материи и, грубо толкая, вывели наружу шестерых мошенников.

– Кто этот жрец? – тихонько спросил десятника молодой стражник.

– Тебе простительно не знать его, ведь ты явился из своей глухой деревни и только начинаешь службу, – ответил тот, – но запомни его хорошенько и никогда ни с кем не путай. Наш город называется Кадингир, хотя, я думаю, очень скоро его будут именовать по-другому, как того желают жрецы, а именно, Вавилоном, «Вратами Бога». Видишь вон тот высокий зиккурат – семярусную ступенчатую башню – на другой стороне великой реки Евфрат? Высота его превышает рост пятидесяти человек! На самой ее вершине находится храм верховного божества Амар-утука, а жрецы теперь также зовут его иначе – Мардуком. Этот же жрец является верховным жрецом бога Мардука и благословляет город от его имени. Зовут его Абиратташ. Он не в ладах с царем города Шаркалишарри, и об этом здесь знают все. Вопрос только, во что это выльется... Сейчас ты тоже, как и мы все, получил его личное благословение, и на тебя тоже сойдет божественная благодать.

– Откуда ей взяться, этой благодати? – сокрушенно спросил молодой стражник.

Остальные бывалые стражники, находящиеся неподалеку и слушавшие разговор, сдержанно засмеялись.

– Что ржете, как жеребцы? – обиделся молодой стражник.

– Действительно, чего ржете? – вступился за него десятник, – он же молодой, еще не обтесался. Но это дело поправимое. Видишь вот этот сверток? – он приобнял стражника за плечи и, слегка повернув его, указал на сверток с золотом.

Молодой стражник кивнул головой.

– Мы сдадим в тюрьму мошенников, а затем в казначейство золото. Но кто, кроме нас, знает, сколько в свертке было этого золота?

Лицо молодого стражника понимающе просветлело: – Так мы...

– Молодец, ты правильно все понимаешь! Быть тебе со временем начальником всей городской стражи!

Стражники вокруг снова рассмеялись.

– Для реализации божьей благодати нам много не надо, так что и на долю казначейства будет достаточно. Все согласны?

Стражники, в том числе и молодой стражник, одобрительно закивали головами.

– И, заметь, верховный жрец не считая передал нам сверток с золотом. Думаешь, он не знал, как мы распорядимся им? Конечно же, знал. И все равно передал. Именно за это – отсутствие жадности и справедливость – вся городская стража горой стоит за него, и в случае какой-нибудь заварушки там, наверху, будет поддерживать именно его. А теперь будешь поддерживать и ты, не так ли?

– Конечно! – молодой стражник утвердительно кивнул головой.

– Однако божья благодать не отменяет службы, а идет с ней об руку, – продолжал десятник, снова обращаясь к молодому стражнику, – видел шестерых молодых жрецов, делавших вид, что они забрели в таверну случайно? Это его телохранители, очень ловкие и умелые ребята. А под плащом каждого из них притаился бронзовый меч, которым они очень хорошо умеют работать, не чета вам. Не смотри на их слишком молодой вид – они родились, держась за рукоятку меча, и в деле владения им просто виртуозы. Вот у кого вам всем стоило бы поучиться! Ну, да ладно, отравились!

И стражники, окружив так до конца и не пришедших в себя мошенников, с трудом переставляющих ноги, повела их в городскую тюрьму.

Верховный жрец, не обращая больше внимания на хозяина таверны, бросил своим телохранителям кинжал, который ловко подхватил один из них, и сделал им знак приблизиться. Четверым из них он что-то коротко приказал. Они подхватили не держащегося на ногах гиганта, всунули в болтающиеся на его поясе ножны кинжал и, подпирая со всех сторон, куда-то повели.

– Мешок, заберите его мешок! – бросился вслед хозяин таверны, протягивая им заплечный мешок, неприметно стоявший сбоку от стола, из которого выступало что-то высокое, аккуратно завернутое в материю и перевязанное веревкой, – мне чужого не надо!

Один из телохранителей, хмыкнув, вскинул оказавшийся легким мешок на плечо, и вместе с навалившимся на них гигантом они исчезли за поворотом.

Двое оставшихся телохранителей пристроились позади вышедших из таверны посла и верховного жреца, бросившего перед уходом хозяину таверны небольшой слиток, который ее поймал и низко поклонился.

– Ты ведь дал ему столько золота в цепи, что его хватит на десяток таких обедов и ужинов, как сейчас, – спросил посол, – зачем бросил ему еще слиток?

– Мой друг, – заметил жрец, – в деле управления государством не бывает мелочей. Я ведь бросил ему не простой слиток. Если присмотреться внимательно, от него отломана маленькая часть, которая находится у меня в ящичке стола. В случае надобности к хозяину явится человек, принесет ему недостающую часть. Он поймет, что это от меня, и сделает то, о чем тот попросит, ведь хозяин далеко не дурак и понимает, что я не зря дал в уплату за обед много больше того, чем он стоит.

– А почему ты вступился за пьяного гиганта и куда его повели? – снова с удивлением спросил посол.

– Мой дорогой Хутрап, – смеясь ответил жрец, – если он в совершенно пьяном виде сделал такое, что и трем обычным людям не под силу, ты представляешь, что он сделает в трезвом? А в предстоящем тебе деле такой помощник может оказаться очень кстати. Отпустить такого бойца – это верх неблагоразумия!

– Так ты сделал это для меня? Попробуй только теперь сам и уговори его на это!

– Дорогой посол, я ведь не зря не стал возвращать ему проигранное им золото, хотя по закону он должен был бы получить его обратно. В хитросплетениях наших законов и самим нам мудрено разобраться, тем более чужеземцу... А без золота он, когда придет в себя, станет куда как сговорчивей!

– А ты мудрец, верховный жрец Абиратташ!

– На том живем, дорогой посол!

2. В гостях у жреца

Солнечные лучи уже всю освещали большую комнату, где на широкой большой кровати проснулся светловолосый гигант. Пробуждение после вчерашней попойки было довольно тяжелым. Страшно болела голова. Тело казалось разбитым. Встать не хотелось. Он сел на краю кровати и обхватил голову руками. Приступы головной боли накатывались один за другим. Как же он вчера напился! Но постепенно голова начинала работать все лучше и лучше. Ему вспомнилась вчерашняя таверна, в которую он зашел перекусить. И игра в кости, которую он начал там чтобы скоротать время до отхода корабля, на котором он должен был вечером отплыть в Лагаш. Вспомнились некоторые эпизоды игры, когда он начал проигрывать и понемногу спускать золото, которым с ним щедро рассчитались за удачную проводку торгового каравана.

Рядом с кроватью стоял небольшой столик, на котором стоял наполненный кувшин. Он схватил его и жадно припал к горлышку, не обращая внимания на стоявшую рядом кружку. В кувшине оказался приятный прохладный напиток. И – странное дело – чем больше его поглощал гигант, тем увереннее он себя чувствовал. Опьянение отступало. Наконец, он поставил кувшин на место и, все больше приходя в себя, огляделся. Гигант находился в большой богато украшенной комнате. Столик, табуретки и сама кровать сделаны были из ценных пород дерева, украшенных инкрустациями. На полочках на стенах стояли драгоценные безделушки из золота, полудрагоценных и драгоценных камней. Окна завешены были дорогой полупрозрачной кисеей. Все окружающее говорило о богатстве хозяина дома.

Теперь гиганту вспомнилось все – игра, то, как он спустил все свое золото, то, что он в конце концов остался без единого слитка в кармане, но было непонятно, где он сейчас, как сюда попал, и, самое главное, почему сюда попал. Он уже начинал понимать, что за просто так его бы не стали приводить в богатый дом и укладывать спать. Вот только кому он нужен и для чего – это пока оставалось загадкой.

Питье в кувшине обладало удивительным лечебным свойством. Гигант снова припал к нему и, когда кувшин опустел, он совершенно пришел в себя. Его одежды и оружия нигде не было видно. Тем временем распахнулась незаметная до того дверь в стене и из нее выпорхнули две молоденькие девушки, на которых из одежды были лишь тоненькие набедренные повязки. Вызывающе торчали покрашенные красной краской соски упругих небольших грудей. Они, смеясь, подхватили гиганта, которому верхом головы едва доставали до груди, и повели к двери. За ней оказался небольшой бассейн с теплой водой, на бортиках которого сидели еще две так же одетые, вернее сказать, раздетые, красавицы. Вчетвером они стащили гиганта в воду и принялись мыть его, уворачиваясь от его рук, играя в опасную игру и разжигая его, затем разложили на теплом полу и сделали такой массаж, от которого у него кровь еще сильнее забурлила в жилах. После чего указали на стоявший в сторонке табурет и, весело смеясь, сами мокрые и чудовищно соблазнительные, выбежали из помещения.

На табурете была аккуратно сложена его выстиранная проглаженная одежда. Рядом, у стены, стоял его огромный меч и лежали кинжал и неразвязанный заплечный мешок..

По-прежнему удивленный, окончательно придя в себя, он быстро оделся, прицепил к поясу кинжал и хотел было забросить за спину меч и мешок, но шорох позади заставил его быстро обернуться. У двери в спальню стоял бронзовокожий человек с бритой головой в белых одеждах жреца и смотрел на него. Увидев, что его заметили, человек сделал приветственный жест.

– Приветствую тебя в моем скромном жилище, – склонив голову, на аккадском языке сказал он, – этот язык, пожалуй, будет тебе более понятен, чем шумерский, на котором говорим мы, жрецы.

– И я приветствую тебя, – также на аккадском языке ответил ему гигант, – я достаточно давно здесь, хорошо знаю местные наречия и меня не затруднит общение ни на одном из них, даже на культовом шумерском языке. Однако, как я сюда попал и почему?

– Боги не терпят суеты, не будем и мы спешить, – ответил ему жрец, – я вижу, что жажду ты уже утолил. Давай же теперь утолим голод и не спеша обсудим положение, в котором ты оказался и что мне от тебя нужно. Оставь меч, он тебе не понадобится, пока ты гостишь в моем доме.

– Так я – гость? – усмехнулся гигант.

– Совершенно верно, – утвердительно кивнул головой жрец, – и волен покинуть мое скромное жилище в любое время, когда тебе заблагорассудится. Однако не спеши сделать это сейчас. Как маленькие муравьи по песчинке и травинке складывают большие муравейники, так и мы с тобой за едой извлечем, во славу бога Мардука, крупинки истины из сложившегося положения и сложим из них дворец правды. Согласен? Тогда следуй за мной.

Не ожидая ответа, жрец повернулся и направился в дверь. Гигант последовал за ним. Пройдя спальню и затем длинную анфиладу комнат, они зашли в небольшое помещение, в центре которого находился столик, уставленный разнообразными яствами. Здесь же стояли кувшины, наполненные напитком. За столиком напротив друг друга стояли три табурета, один из которых был с подлокотниками. Сзади за каждым из них стоял раб, готовый наполнять золотые кубки. Устроившись на табурет с подлокотниками, жрец показал гиганту на другие табуреты.

– Присаживайся на любой, и давай завтракать.

Дважды повторять ему это не пришлось. Через мгновение гигант уже вгрызлся в нежное мясо лани, запивая напитком, подливаемым рабом. Жрец ел мало. Вскоре он приветливо махнул рукой куда-то за спину гиганта и показал на свободный табурет. Гигант оглянулся на вошедшего, и в его памяти всплыли фигуры и лица двух людей, сидящих у стены в таверне, где его обобрали до нитки. Это были эти два человека.

Вошедший церемонно поздоровался и присел к столу.

– Спасибо, я уже сыт, – отклонил он приглашение принять участие в трапезе.

Вскоре жрец и его новый гость уже тихо переговаривались, беседуя о погоде, о ценах на рынке, время от времени с любопытством поглядывая на насыщающегося гиганта, который без излишних церемоний сметал со стола одно блюдо за другим. Наконец и тот, довольно заурчав, отвалился от стола. Рабы омыли его руки, вытерли их и удалились из комнаты, быстро вынеся столик с остатками завтрака и заменив его другим, с фруктами и сладкими напитками.

Теперь уже жрец и новый гость без стеснения разглядывали гиганта, который также изучал их.

– Ну, давай знакомиться, – наконец произнес жрец, – меня зовут Абиратташ, я верховный жрец бога Мардука. А это Хутрап, посол Элама.

– Меня зовут Альрик. Альрик из рода Бьерна.

– Никогда не слышал таких имен. Откуда ты?

– Из Скандинавии, края морских заливов и холода. Вам неведом снег, хотя и бывают холодные по вашим понятиям зимы. А у нас он лежит большую часть времени. Мое имя в переводе на ваш язык означает Всемогущий из рода Медведя.

Жрец и посол переглянулись.

– Снег – что это такое? – спросил жрец.

– Это замерзшая вода, такая, как на вершинах гор. Если у его народа много таких же, как он, его ждет великое будущее, – тихо промолвил посол.

– На все воля Мардука! Как давно ты здесь и чем занимаешься? – продолжал расспросы жрец.

– Почти пять зим. Сопровождаю караваны. Слишком много развелось нынче разбойников на дорогах. Никто ими не занимается. Вот и нанимают меня для охраны.

– Согласен, разбойников нынче слишком много, и не только на дорогах, но и у власти. Ничего не хотят делать, только грабят и наживаются! – неожиданно зло сказал жрец, – но скоро это прекратится! Так всегда бывает, когда власть слаба или у руля государства стоит никчемный человек, – уже спокойнее добавил жрец.

– У тебя редкий меч, – заметил он, – я понимаю в оружии и знаю ему цену. Она воистину справедливо высока. Откуда он у тебя?

– Это все, что осталось у меня с моей далекой родины. Там умеют делать их. Здесь же, у вас, даже бронзовые мечи есть далеко не у каждого. Правда, и у нас обладателей таких мечей можно пересчитать по пальцам.

– Скажи, ты много потерял золота в таверне? – вступил в расспросы посол.

– Мне заплатили за проводку каравана, и немало, – потемнел скандинав, вспомнив игру в кости, – мои услуги стоят недешево. Чего уж тут скрывать – я без потерь привел караван, и мне заплатили тридцать мер золота за его проводку от Лагаша до Вавилона. И обещали такую же сумму за проводку еще одного каравана. Поэтому я должен вернуться в Лагаш.

Жрец и посол снова переглянулись и понимающе закивали головами: тридцать мер золота была очень приличная сумма. Годовое жалование военачальника, командира тысячи, едва достигало двадцати мер

– Однако, ты потерял все золото, – констатировал верховный жрец, – это факт, и от него никуда не деться. Я хочу предложить тебе работу.

Скандинав настороженно уставился на жреца.

– Работа как раз по тебе и знакома тебе, – усмехнулся жрец, – скоро господин посол отправится с караваном обратно в Элам. Повезет подарки эламскому царю. Тебя же я нанимаю в охрану каравана. Но не начальником охраны. В его качестве пойдет другой человек. Ты же будешь личным телохранителем посла.

Гигант ухмыльнулся: – Всего-то? И какое жалование мне положите?

Однако и жрец и посол остались совершенно серьезными.

– Сто мер золота.

Скандинав в изумлении переводил взгляд с одного сидящего напротив него человека на другого. На их лицах было совершенно серьезное выражение, чтобы можно было заподозрить насмешку над ним.

– Сколько-сколько? – в недоумении переспросил он.

– Ты не ослышался, ровно сто мер золота, – серьезно повторил жрец, – при условии, что посол живым доберется до места назначения – в резиденцию царей Элама город Аншан. Ты должен был слышать о нем, его шумерское название Ним и расположен он на юго-востоке от столицы Элама Сусана, который иногда называют Сузами.

– По рукам, – быстро сказал скандинав, протягивая руку, – меня устраивает ваше предложение.

Жрец и посол по-прежнему серьезно смотрели на него.

– Это будет не так просто, как ты думаешь, – сказал наконец, не принимая руки, жрец, – видишь ли, посол повезет кое-какие свитки, за которыми начнется охота. Конечно, в идеале нужно было бы скрыть, что он их везет. Но это никак невозможно. Придется все время быть начеку.

– По рукам, – еще раз повторил скандинав, и, когда по его руке хлопнули жрец и посол, спросил: – когда приступать?

– Прямо сейчас, – ответил жрец.

3. Размолвка

В покоях царя города Кадинггира, имя которому было Шаркалишарри, как всегда, царила суета. Туда-сюда бегали многочисленные рабы и слуги, выполняя поручения царских жен, пытающихся влиять не только на самого царя, но и на политику страны. Поручения в большинстве своем бестолковые, иногда даже вредные для страны, если касались взаимоотношений с окрестными народами. Царские жены пытались таким способом показать свою значимость, а слабовольный Шаркалишарри вместо того, чтобы топнуть ногой, всячески пытался уйти от скандалов с женами и ничего в этом направлении не предпринимал.

Правда, далеко не все их поручения доходили до адресатов. Царские гонцы к тому времени уже хорошо усвоили, что поручения, выдаваемые царскими женами, которые касаются жизни внутри страны и за ее пределами, вначале необходимо доставить к глазам Абиратташа, верховного жреца бога Амар-утука, который, по сути, управлял внутренней и внешней политикой страны и не допускал глупого вмешательства в управление.

Недалекие царские жены постоянно жаловались на него царю. Сам же царь также вынужден был во всех делах либо спрашивать совет как поступить у верховного жреца, либо поручать ему ведение этих дел. В глубине сознания царь понимал, что верховный жрец в делах политики на голову выше него самого и для пользы дела до поры и времени демонстрировал полное доверие к верховному жрецу. Однако, как вода великой реки Евфрат потихоньку подмывает берега и они в конце концов обрушиваются в реку, так и у царя Шаркалишарри, науськиваемого женами, постепенно копилось раздражение и недовольство, направленное на Абиратташа. Царь, которому окружение твердило о его исключительном уме, не понимая, что он давно уже не ведет реальную политику, не зная также реального положения вещей, все больше желал править сам без чьего-либо вмешательства, а на его пути был верховный жрец. Рано или поздно вполне созревший конфликт должен был разрешиться каким-либо образом.

Вот и сейчас Шаркалишарри, сидя на троне, хмурился, выслушивая сидящих у его подножия трех жен. Они снова жаловались на верховного жреца бога Амар-утука Абиратташа, который, в противовес их желаниям, поступает совершенно противоположным образом. На сей раз это касается отношений с Аккадской державой, расположенной к северо-западу от Кадинггира, и Эламским царством, расположенным на юго-востоке от него.

– Он позволяет себе не обращать внимания на твой сан! – наперебой кричали жены, – почему ты это позволяешь? Царь ты или не царь? Почему кругом говорят, что это его стараниями возводится храм верховному божеству Амар-утуку по верху зиккурата, а не твоими? И почему город жрецы называют Вавилоном, «Вратами Бога», но даже имя бога меняют на Мардука? Ты разве отдавал такое распоряжение? В стране может быть только один повелитель, у ног которого, как черви, должны ползать подданные, в том числе и этот жрец! Покажи ему свою царскую силу!

Шаркалишарри, одновременно радуясь, что здесь сидят только три жены, а не вся крикливая сотня, а также и злясь, понимая справедливость того, что они говорят, приказал позвать верховного жреца.

Абиратташ уже направлялся к зиккурату, когда ему передали приказ царя. Поморщившись, он все же приказал рабам, несущим носилки, изменить маршрут, нести его к царскому дворцу и погрузился в размышления.

Верховный жрец уже представлял, о чем царь поведет речь.

Долго правивший царь Элама, имевший прекрасные личные отношения еще с отцом Шаркалишарри, много лет назад попросил его об одном одолжении.

У эламского царя был сын, которого звали Энпилухан. С самого детства он восхищался Аккадом и перенимал все, что связано было с этой страной, начиная от аккадских одежд, аккадского строения войска, заканчивая тем, что при его дворе на стол подавались только аккадские блюда. Его поддерживали вертящие им жрецы главной богини Элама – Пиненкир. Эти жрецы как огня боялись и возрастающей мощи Вавилона, и возрастающего влияния вавилонской религии с их главным божеством Мардуком (верховный жрец не сомневался, что переименование города с Кадинггира на Вавилон и его верховного божества с Амар-утука на Мардука не за горами). Боясь оказаться на задворках, они сделали ставку на союз с соперником Вавилона Аккадом и весьма преуспели в этом, подчинив своему влиянию юного царевича.

Хитрый политик, аккадский царь Нарамсин всеми доступными способами поощрял заинтересованность Энпилухана к Аккаду. Однажды, не так давно, к дворцу Энпилухана приблизился роскошный караван, направляющийся в Индию, с которым совершала путешествие племянница Нарамсина Иранна. Через несколько дней караван отправился дальше, но уже без Иранны, сведшей с ума Энпилухана и оставшейся с ним в его дворце. Нарамсин, до конца продумавший и осуществивший эту операцию, был более чем доволен. Теперь рядом с Энпилуханом был преданный Нарамсину человек, причем с легкостью поворачивающий сына эламского царя в нужную сторону. Племянница Нарамсина так понравилась Энпилухану, что он намеревался даже просить ее руки.

Однако лишь несколько высших сановников Аккада знали, что Иранна никогда не была племянницей Нарамсина, и даже настоящее имя ее было совсем другим, а была она воспитанницей закрытой школы аккадских колдунов, в которой готовили девушек для операций такого рода, где кого-то надо сначала обольстить, а затем шантажировать этим. Школа далеко не ограничивалась обучением умению любви и знаниям, как это использовать. Девушки одновременно с этим проходили практику владения кинжалом, верховой езды. Они умели поддерживать разговор, были ловкими, наблюдательными и смелыми. Свободно чувствовали себя как в обществе купцов, так и за столом королей, затмевая собой, если это было необходимо, других дам. И, самое главное, были с макушки до кончиков ногтей преданы своим учителям, готовы выполнить любую их команду. Не много воспитанниц было в этой особой школе. И обучать их начинали с детских лет, выбирая из детей бедняков тех, кто обещал вырасти писаной красавицей. Многодетные родители-бедняки были рады получить за дочку большие по тем временам деньги, зная, что дальнейшая жизнь ее будет устроена колдунами так, как это никогда не смогут сделать они сами. И были рады, если именно к ним, а не к соседям, поступало предложение такого рода, хотя и теряли дочь навсегда...

Иранна была далеко не последней ученицей школы и вполне оправдала надежды пославших ее аккадцев. Не много нашлось бы во всем мире мужчин, сумевших устоять перед ее чарами. Вот почему с легкостью пал к ее ногам и Энпилухан.

Не имея возможности бороться с влиятельными жрецами богини Пиненкир, царь Элама, приверженец союза с Кадингиром (будущим Вавилоном), понимающий, что сына уже не переубедить, но понимающий также, что правление сына после него обозначает полное подчинение Элама Аккаду и конец ему как государству, приблизил к себе сына своего брата, племянника, которого звали Пели. Пели же понимал значение союза с Кадингиром. Если бы царем в Эламе стал Пели, то немедленно был бы заключен военный союз Кадинггира и Элама, и на притязания Аккада на соседние территории была бы накинута крепкая смирительная узда.

Царь Аккада Нарамсин, обожествляемый родным сыном царя Элама, надо отдать ему должное, твердой рукой управлял страной. Он сумел подчинить себе и знать, и жрецов. Подчинить не силой, а хитростью, объявив об особом положении страны в мире и об ее особой объединительной миссии, когда все остальные народы должны быть в зависимом от Аккада положении. Были сведения, что в этом огромную помощь Нарамсину оказали аккадские колдуны, поклоняющиеся Аллу – расе чудовищных и безликих демонов, умеющие повелевать ими

и даже вызывать их себе в помощь. И что не такими уж и безликими оказываются эти демоны, если встают из небытия, вызванные заклинаниями колдунов, во всяком случае, никто еще не выжил после встречи с ними.

Как бы то ни было, семена упали в подготовленную почву. С новыми завоеваниями знать страны обогащалась еще больше, и тем более обогащались жрецы, получающие все большие жертвоприношения от покоренных народов. Нарамсин уже предпринял несколько удачных походов в Малую Азию, но все же особый интерес питал к богатствам Кадинггира. Подчини он себе Элам, участь Кадинггира могла быть решена им довольно быстро, военная сила его стала бы безмерной. Выступая на словах за добрососедский мир с Кадинггиром, на деле, и это подтверждали источники из Аккада, Нарамсин первый же удар после получения ресурсов Элама нанес бы по Кадинггиру, о чем сам не раз говорил в узком кругу высокопоставленных советников.

И старый царь Элама, и верховный жрец Мардука Абиратташ прекрасно понимали это.

Однако родной сын царя Элама был все же первым кандидатом на престол в случае смерти царя, и тогда царь, по совету Абиратташа, пустился на хитрость. Он объявил, что царем Элама после его смерти будет тот, кто привезет в резиденцию царей Элама, город Аншан, часть его завещания, которую он передал на сохранение царю Кадинггира. В завещании на языке эламитов клинописными значками были написаны всего три слова. У главных жрецов богини Пиненкир хранилась вторая часть завещания, такой же опечатанный свиток.

Дело в том, что завещание после его написания было разрезано сложной ломаной линией вдоль на две половины таким образом, что без любой из них понять, что написано на имеющейся половине, было невозможно. Их надо было положить рядом, и соединившиеся вместе линии и должны были открыть эти слова. Тогда и должно было огласиться завещание целиком у алтаря богини Пиненкир. А что это были за слова, никому не было известно. Однако они были записаны в свиток, который являлся контрольным. Именно в нем было записано то, что должно было получиться после соединения двух разрезанных половин.

Свиток, переданный в Кадинггир, был запечатан печатью царя Элама, помещен в небольшой опечатанный прямоугольный ларец с искусно сделанной позолоченной крышечкой, на которой были рельефные украшения в виде животных и цветов. Примерно так же хранились у жрецов богини Пиненкир вторая часть свитка и контрольный свиток.

Таким образом, по сути дела, право выбора царя Элама было предоставлено царю Кадинггира. Он мог вручить ларец любому кандидату на престол Элама по своему выбору. И как бы не хотелось жрецам богини Пиненкир, чтобы царем Элама стал сын царя Энпилухан, они не могли не выполнить волю царя, изложенную в завещании, если бы вторую часть завещания принес кто-то другой. К тому же оставалось загадкой, что же было написано в свитке. Тайно вскрыть ларцы жрецы не могли, ибо старый царь поручил осуществлять охрану свитков совместному караулу, состоявшему из жрецов и военных. А высшие военачальники Элама, поддерживая нейтралитет, все же недолюбливали жрецов. И договориться жрецам с военными повернуть махинацию с завещанием было довольно сложно.

И вот сейчас при дворе царя Кадинггира Шаркалишарри уже давно находились два соперничающих посольства – одно из них от Энпилухана, родного сына недавно скончавшегося царя Элама, а другое от Пели, племянника царя. И надо было делать выбор в чью-либо пользу.

Уже несколько дней царские жены держали Шаркалишарри в осаде, требуя отдать заветную шкатулку послам родного сына почившего царя.

– И немудрено, – усмехнулся про себя Абиратташ, – достаточно посмотреть на их новые украшения, полученные и от посла Энпилухана, и от посла самого Аккада. Женам ведь надо было отрабатывать их. Послы Аккада и родного сына эламского царя не жалея сыпали золото в подставляемые ладони царских жен.

Плохо было то, что Салманар, командующий военного гарнизона Кадинггира, мечтавший стать главнокомандующим всей кадинггирской армии, также изо всех сил поддерживал при-

тязания Энпилухана на эламский трон, надеясь затем в союзе с Эламом и Аккадом во главе объединенной армии повести наступление и захватить новые земли в южном и юго-западном направлении, не понимая, что первой точкой маршрута объединенного войска будет сам Кадингир.

Верховный жрец уже имел несколько длинных бесед с царем Шаркалишарри, в которых обстоятельно доказывал важность передачи завещания в руки Хутрапа, посла Пели. Шаркалишарри вроде бы соглашался с доводами жреца, но какой-то неприятный осадок от этих встреч все же остался у них обоих. Кадингирского царя бесило то, что ему опять указывают, что надо сделать, лишая его самостоятельности. Ему же как раз понравился посол Энпилухана, недавно побывавший у него на вечернем приеме вместе с послом Аккада. Они оказались очень симпатичными людьми, доставившими ему интересные подарки и рассказавшими несколько занимательных историй. Верховного жреца, в свою очередь, бесила тупость царя Шаркалишарри, не видящего дальше своего носа, не умеющего просчитывать политические итоги решений на несколько шагов вперед.

Когда Абиратташ вступил в чертоги царя, тот сделал знак замолчать своим женам и снова завел разговор о предстоящем выборе получателя шкатулки с завещанием. И в который уже раз верховный жрец должен был объяснять важность выбора на трон Элама именно Пели. Все возражения, которые пытался выставить против него Шаркалишарри, разбивались железной логикой жреца.

Чувствуя все возрастающее раздражение против жреца, но не имеющий ни доводов против, ни сил, чтобы противодействовать этому, царь замолчал. Начавших было снова выкрикивать ругательства в адрес верховного жреца жен, совершенно не стесняющихся его присутствия здесь, царь, поморщившись, приказал рабам увести в женскую половину дворца. От их крика у него уже начиналась головная боль. Они же до самого выхода продолжали сыпать оскорбления, призывая на голову Абиратташа всевозможные беды и болезни. Однако у выходной двери они остановились и стали так, чтобы и царь хорошо видел их, и они видели царя. Рабы не решались в точности выполнить царский приказ в отношении его жен и, кланяясь, отодвинулись в сторону.

– Мы решим вопрос о передаче шкатулки с завещанием завтра, после верблюжьих скачек, – сказал, наконец, Шаркалишарри.

– Сегодня, сейчас! – дружно закричали от двери жены, – объяви ему свою царскую волю сейчас!

Верховный жрец с иронией наблюдал за происходящим.

Царь заметил его взгляд, покраснел и выпрямился на троне. Руки судорожно сжали подлокотники.

– Мы много дали тебе, верховный жрец Абиратташ, – , решившись, сдавленным голосом начал говорить кадингирский царь, время от времени бросая взгляд на своих жен, ища у них поддержку, – и ты возомнил о себе, что занимаешь исключительное положение!

В помещении наступила тишина. Царские жены довольно кивали головами. Абиратташ понял, что наступает самое главное, то, ради чего царь вызвал его сюда, и о чем под давлением недругов верховного жреца наконец-то решился высказать в открытую.

– В то время, как все падают ниц передо мной, ты не делаешь даже поклон! Ты и сейчас пришел так же, не поприветствовав меня так, как подобает приветствовать царя, наместника бога на земле! – все распаясь, почти кричал Шаркалишарри, – ты возомнил, что ты один знаешь, как управлять страной, забыв о том, кто есть кто, что только я могу принимать здесь решения! Поэтому знай же, что завещание сразу же после верблюжьих скачек будет передано нашему другу послу Энпилухана, родного сына царя Элама. Таково мое решение! И еще! Что это себе возомнили вы, жрецы, затеяв изменение имени города и божества, проповедуя это на каждом шагу? Разве я давал такое указание? Это ведь идет от тебя? Я знаю это! Ты взял на себя

явно много, Абиратташ! В нашу царскую казну поступает слишком мало податей от жрецов, а доходы ваши, как мне докладывают, отнюдь не уменьшились, а наоборот, увеличились! Завтра будет издан указ, по которому в казну жрецы будут перечислять не фиксированную часть, а две пятые от дохода храмов. И ты допустишь моих царских писцов для ведения учета ваших доходов наравне со своими писцами! А сам ты, если желаешь впредь быть допущенным к моим стопам, должен приветствовать меня, как своего повелителя!

– Не бывать козе коровой, а мышонку львом! – в упор глядя на царя, произнес верховный жрец, – я служу одному только богу Мардуку, и только перед ним ложусь ниц и держу ответ!

Абиратташ повернулся и, не оборачиваясь и не слушая, что ему еще вслед кричал царь, пошел к выходу. Выйдя из дворца и сев в носилки, жрец жестом подозвал одного из сопровождавших рабов и приказал ему отправиться в резиденцию Хутрапа, посла Пели, племянника царя Элама, и попросить его срочно прийти к нему в храмовый комплекс, расположенный у зиккурата.

4. Нападение

Резиденция посла Хутрапа располагалась неподалеку от дворца царя, и гонец быстро достиг цели. Однако храмовый комплекс, куда верховный жрец пригласил эламского посла, располагался на другом берегу Евфрата, и требовалось определенное время, чтобы достигнуть его. Когда Хутрап в сопровождении нового телохранителя на лошади приблизился к переправе через реку, уже сильно вечерело. Множество лодок сновало с одного берега на другой, за небольшие деньги перевозя нуждающихся в переправе. Но не каждая лодка подходила для переправы посла великой державы. Пришлось ожидать, пока с противоположного берега не приплыл большой корабль, застеленный коврами. Приняв на борт только посла, его телохранителя и их лошадей, он отчалил от берега. Рабы, прикованные бронзовыми цепями к лавкам, повинувшись ударам барабана, взмахнули веслами, направляя корабль к противоположному берегу. Евфрат в черте города был широкой полноводной рекой, и рабам предстояло хорошо потрудиться на веслах. Впрочем, таков был их удел – в конце концов умереть на веслах. Ни на их жизнь, ни на их здоровье никто не обращал ровно никакого внимания. Замену на рынке купить можно было всегда.

Громкая ругань кормчего, стоявшего у рулевого весла, привлекла внимание посла, сидевшего на носу корабля на мягком табурете, понемногу отпивающего ячменное пиво из кружки и созерцающего понемногу приближающийся противоположный берег, уже укрытый первой ночной дымкой, в которой яркими пятнами сверкали многочисленные огни костров и факелов. Посол повернул вопросительный взгляд в сторону кормчего.

– Какая-то лодка прямо перед кораблем прошла, едва не зацепили ее, – извиняющимся голосом проговорил тот, – носит их здесь, Эрра (божество чумы) их забери!

Он наклонился вниз и начал сыпать проклятия на головы людей в сильно близко подошедшей лодке. Посол же снова приложился к кружке. Однако спокойно сидеть ему не пришлось. Внезапно кормчий вскрикнул, схватился руками за грудь и рухнул через борт корабля. Никем не управляемое рулевое весло повернулось в сторону и корабль начал описывать большой круг. Через задний борт перелетело несколько бронзовых крюков с привязанными веревками и впились в корму. И сразу же, цепляясь за веревки, через борт перемахнули несколько человек с мечами и кинжалами наготове, которые бросились к ничего не понимающему послу.

В чувство посла привел вопль находящихся впереди двух нападавших, которым новый телохранитель посла круговым движением огромного меча отсек руки. Их пронзительный вопль был так страшен, что даже нападавшие на мгновение замерли. И тут же с распоротыми животами рухнули еще двое из них. Не ожидавшие такого отпора, еще двое нападавших, успевших перескочить на корабль, забыв про зажатые в руках мечи, подняв фонтаны брызг, бросились за борт. Не издав ни звука, огромный скандинав подскочил к заднему борту корабля и тут же перемахнул через него, запрыгнув в сцепленную с кораблем лодку, в которой находилось еще несколько человек. Раздался крик, короткое лязганье столкнувшихся мечей, и снова наступила тишина. Скандинав легко запрыгнул обратно на корабль и взялся за рулевое весло, направляя судно к берегу. Однако корабль несло течением реки вдоль берега. Барабан молчал. Испуганный барабанщик и двое надсмотрщиков над рабами, испуганно сжавшись, лежали на днище корабля и молились о спасении. Рабы сразу же воспользовались представившейся передышкой и бросили весла. Оставив рулевое весло, скандинав несколькими ударами ноги быстро привел в чувство барабанщика и надсмотрщиков.

– Вставайте, проклятые лежебоки, – кричал он, – не то, клянусь Мардуком, я разобью ваши тупые головы!

Пришедший в себя барабанщик снова задал темп гребцам, а надсмотрщики взмахнули бичами. Корабль, управляемый рукой скандинава, ускоряясь, поплыл против течения, возвращаясь к месту переправы.

Посол вытер со лба внезапно выступивший пот. Все произошло настолько стремительно, что он не успел испугаться. И только сейчас до него дошло, какой опасности он подвергался.

На берегу один из надсмотрщиков сейчас же убежал вызывать к кораблю стражу, а еще через некоторое время вокруг посла уже нарезали круги куча стражников и дознавателей, пытаясь выяснить подробности нападения.

Лишь спустя длительное время, дав подробнейшие пояснения, посол и его телохранитель убыли к месту назначения.

Верховный жрец Абиратташ уже давно ожидал их в своих роскошных апартаментах. И был немало встревожен, узнав о попытке нападения на посла. Внимательно выслушав подробности, он начал задавать вопросы, которые в основном остались без ответа. Никаких особых примет у нападавших не было. На корабле скандинав убил четверых, они все скончались от потери крови. В подплывшей лодке были убиты еще трое. Двоим спрыгнувшим за борт то ли удалось уйти, то ли они утонули. Это было неизвестно. Во всяком случае, их уже начали искать. Никаких примет, позволяющих определить принадлежность убитых к какому-то клану или государству, выявить не удалось. Одежда была местного пошива, да и оружие тоже местного производства. Возможно, мог бы что-нибудь рассказать лодочник, у которого убийцами была взята лодка, но его еще надо было отыскать, что возможно было только утром.

– В общем-то понятно, кто затеял это нападение, – заметил жрец, – а они торопятся! Даже не стали ждать.

– Видимо думали, что убив меня, смогут получить нужную отсрочку на передачу завещания, – задумчиво произнес посол, – надеются уговорить царя.

– И не ожидали встретить тебя, – усмехнулся жрец, бросив взгляд на скандинава, спокойно сидящего на табурете у стены.

– Вы меня для того и нанимали, – пожал плечами гигант, – здесь и раздумывать было нечего. Однако, я бы не советовал ему отправляться обратно ночью. В темноте можно отбиться от напавших, но невозможно заметить полет тихо пущенной стрелы.

– Пожалуй, ты прав, – заметил жрец, – посему, так тому и быть. Кстати, кто знал, что ты идешь сюда?

– Вроде бы никто, – пожал плечами посол, – во всяком случае, я об этом никому не говорил.

– Тогда мне все понятно, – задумчиво сказал жрец, – они не гнушаются ничем, чтобы устранить соперника. Вообще-то я позвал тебя сюда чтобы сообщить, что на завтра после скачек царь назначил церемонию передачи завещания.

– Наконец то! – обрадовано воскликнул посол.

– Передачу не тебе, а послу Энпилухана.

Бедный посол побелел, ноги его подкосились, и он опустился на табурет.

– Значит, все потеряно, – растерянно произнес он, – и я зря старался...

– Ты плохо меня слушаешь, – прервал его жрец, – я сказал только, что он назначил церемонию передачи завещания послу сына царя Элама, но не сказал, что оно будет передано.

– Как понять твои слова? – удивленно спросил посол.

– Богу сверху виднее, что делать и как делать, и мы не можем вмешиваться в его дела, но можем помочь ему в выборе средств для реализации решения, – жестко сказал верховный жрец, – еще целая ночь и большая часть дня впереди, а за это время может многое измениться по воле Мардука!

И он поднял руки над головой, склонив голову.

5. Верблюжьи скачки

Верблюжьи скачки были любимейшим развлечением как народа Кадингира, так и его царя Шаркалишарри. Длинная трасса гонок располагалась за пределами города и представляла собой извилистое кольцо, проходящее между песчаных невысоких дюн. Многие сановники, как и сам царь, содержали десятки верблюдов, предназначенных исключительно для гонок. При этом использовали дромадеров, стройного телосложения длинноногих одnogорбых верблюдов. Гонщик располагался позади горба. И сановники, и царь сами часто садились на скаковых верблюдов, гоня их вперед.

Вот и сегодня с утра царская охрана оцепила большой участок, на котором должны были состояться скачки. На месте начала (и одновременно окончания) гонок собралась огромная толпа народа, обсуждающая достоинства каждого животного, которое должно было принять участие в гонке. Было известно, что у царя появился верблюд, который бежит так быстро, что на лошади не догнать. Был объявлен приз победителю – красивая белокожая наложница, при виде которой у участников потекли слюнки от вожделения, а впридачу к ней огромная золотая чаша.

Самые знатные зрители, а также жены царского гарема и его наложницы, расположились под большими дающими тень шатрами, потягивая напитки и наблюдая за бегами.

Сначала на укороченной дистанции соревновались дети, получившие сладкие призы. Затем, наконец, очередь дошла до главного приза. Несколько десятков участников расположились рядами. Прозвучал сигнал трубы и гонка началась. Царь Шаркалишарри с оживленным лицом, уцепившись за верблюда, ожег его тонким хлыстом. Поднялись клубы пыли, скрыв участников гонки от многочисленных наблюдателей. Сначала верблюды бежали плотной массой, даже мешая друг другу, затем стали растягиваться по трассе.

К большому повороту, показывающему, что первая половина дистанции пройдена, царь пришел уже выигрывая сотню верблюжьих корпусов у нескольких ближайших конкурентов. Его ожидания оправдались – верблюд под ним был чудо как хорош! Ноги его двигались без усталости, унося царя все дальше от конкурентов. Скоро они все скрылись далеко позади из царских глаз. Обрадованный Шаркалишарри подгонял верблюда, стремясь оторваться еще дальше от конкурентов, и без того находящихся настолько далеко, что были вне поля зрения.

Увлеченный скачкой, он не заметил, как из-за дюны, мимо которой его только что пронес верблюд, на свежих верблюдах выехали два всадника с закрытыми шарфами от пыли лицами, так же, впрочем, как и у царя и у других участников гонки, и начали стремительно догонять его. Участие всех отставших в верблюжьих бегах – вдоволь наглотаться пыли, поднятой ногами впереди идущих верблюдов. Не хочешь глотать пыль – будь впереди, будь победителем. В противном случае изрядная порция пыли тебе обеспечена.

Царь почувал погоню, когда она была уже в нескольких шагах позади. Обернувшись, он увидел двоих человек, также подгоняющих верблюдов, уже почти настигших его и обходящих с обеих сторон. Шаркалишарри немало удивился – как это они умудряются заставить своих верблюдов уже к концу гонки бежать так быстро? Он попробовал еще больше ускорить своего дромадера, но уставший верблюд быстрее бежать уже не мог. А двое наездников уже поравнялись с ним. Один из наездников, находившийся справа от царя, что-то крикнул, повернув к нему закрытое шарфом лицо. Шаркалишарри, не переставая погонять животное, повернул голову в его сторону, собираясь переспросить, о чем тот кричал, но в это время второй всадник, воспользовавшись тем, что царь отвернулся, резко взмахнул рукой с зажатой в ней тяжелой бронзовой дубинкой, которую он до сих пор скрывал, пряча за телом верблюда. Она ударила в висок царя, раздробив ему голову. Всадники продолжали скачку, зажав верблюда с уже

мертвым царем между собой. Один из них освободил ближнюю к нему ногу царя от стремени. Всадники разъехались, ожегши верблюда с мертвым седоком плетью с обеих сторон, выпуская его вперед. Тело царя завалилось на бок и свесилось с одной стороны мчавшегося уже в диком испуге верблюда, удерживаясь ногой в стремени, руками и головой ударяясь о встречные кочки. А всадники повернули своих верблюдов в сторону и бесследно растаяли за ближайшей дюной.

Крик ужаса вырвался у зрителей, когда обезумевший верблюд с мертвым царем появился в поле их зрения. Окровавленная голова царя была разбита о кочки до неузнаваемости. Поднялась страшная суматоха. Верблюда с трудом удалось поймать. Тело царя сняли и тут же лекари начали осматривать его. Гонку остановили. По следам верблюда направились следопыты, который обнаружили следы еще двух верблюдов, выходящих из-за одной из песчаных дюн, идущие затем с двух сторон от следов царского верблюда и скрывающихся затем за другой дюной. Далее шла травянистая почва, и обнаружить, куда ушли эти верблюды, не представлялось возможным.

Параллельно с этим лекари ощупыванием обнаружили, что у царя раздроблен висок, причем раздроблен несколько высоко для того, чтобы получить такое повреждение от ударов о небольшие кочки. Сразу же пополз слух, что это ловко подстроенное убийство.

Убитые горем и разгневанные многочисленные царские жены требовали мести. Они искали, кто мог стоять за этим убийством, и имя Абиратташа, верховного жреца бога Амар-утука, повторялось все чаще и чаще. Тем более что он отсутствовал на скачках. Более того, выяснилось, что там не было ни одного жреца вообще. Разъяренные жены тут же потребовали от командующего гарнизона города Салманара военной силой уничтожить гнездо убийц, расположенное в зиккурате бога Амар-утука, не оставив там никого живого. Самому же Салманару старшей женой царя был обещан пост командующего армией страны. Он тут же убыл в городской гарнизон, чтобы поднять солдат.

Тело царя завернули в материю и в сопровождении стонающих жен повезли во дворец.

6. Сражение у зиккурата

Еще было светло, когда в городе начались беспорядки. Городская стража, начавшая было наводить порядок на улицах, внезапно ушла обратно в казармы. Толпы народа бегали по улицам, призывая к насилию и грабежу в отношении ближайших царских советников. Кое-где запылали их дома, вспыхивали яростные схватки. Жрецы заперли храмовые ворота, опасаясь нападения на зиккурат.

Скандинав, выполняя распоряжение верховного жреца ни на шаг не отходить от посла, расположился в углу большого кабинета. Верховный жрец Абиратташ, еще несколько жрецов высокого ранга и посол Хутрап тихо беседовали, удобно устроившись за столиком, когда к ним бежал взволнованный жрец в боевом снаряжении с оружием в руках.

– Войска подходят к воротам храма, – быстро сказал он.

Жрецы переглянулись между собой.

– Какие войска, откуда? – спросил один из жрецов.

– Солдаты. Привел их Салманар, командующий городского гарнизона. Их более тысячи человек.

– Быстро, слишком быстро! – вскочив с места, покачал головой Абиратташ, – немного времени нам не хватило! Надо продержаться до утра! Какими силами мы располагаем?

– Двумя сотнями жрецов и несколькими сотнями корпуса городской стражи. Она полностью поддерживает вас и уже находится у подножия зиккурата.

– Вооружи всех, кого только можно! – скомандовал верховный жрец, – помощь уже на подходе. Надо продержаться до ее прибытия! Утром здесь будут отряды жрецов из других храмов и войска, поддерживающие нас. Позови на совет командиров стражников.

И жрецы в полном составе быстро покинули кабинет.

Скандинав вопросительно глянул на посла.

– Этими вечером и ночью определится дальнейшая судьба Кадингира и всего мира, – сказал Хутрап, – я тоже должен был бы взять оружие, но мне нельзя вмешиваться во внутренние дела чужой страны. Ты же здесь не чужой.

Еще через какое-то время скандинав был уже на обширной площади перед зиккуратом. На ней царила полнейшая неразбериха. По всем направлениям бегали жрецы с оружием и без него, здесь же толпами стояли городские стражники, вооруженные мечами и луками. Лишь у небольшого числа стражников был опыт ведения боевых действий, у жрецов такого опыта не было вовсе.

Окинув галдящий табор взглядом, скандинав бросился к ближайшей группе стражников.

– Кто вами командует? – спросил он.

– Десятник, вот он, – с опаской глядя на светлокожего мощного гиганта, вытолкнули стражники одного из своих рядов, – а больше мы ничего не знаем.

– Построй их в шеренгу, – приказал десятнику гигант.

– А ты кто такой, что здесь командуешь? – едва успел спросить десятник, как сильнейший удар сбил его с ног и у своего горла он увидел острие меча.

– Так мне представиться или сделаешь все сразу? – с угрозой в голосе спросил разъяренный гигант, казавшийся воплощением злых сил.

Словно подброшенный пружиной, испуганный десятник вскочил и, тут же заорав на подчиненных, начал строить их в линию.

– Всем стражникам построиться! – мощный голос гиганта перекрыл многоголосый шум, – десятники ко мне!

Еще несколько раз пришлось ему повторять слова команды, и пару раз слишком строптивые стражники летели на землю от мощных ударов.

Через короткое время четыре сотни стражников, разобранных по десяткам, уже стояли несколькими шеренгами. Как оказалось, были у них и более высокие командиры, сотники, но они ушли внутрь зиккурата на совет, обсуждать план обороны.

– Нашли время, – плюнул гигант, – действовать надо, а не разговорами заниматься!

Еще через короткое время стражники были разбиты на четыре сотни, из числа десятников назначены новые сотники. Далее одна сотня растянулась по обширной площади, перегородив ее и направляя всех жрецов с оружием в одну сторону, а без оружия в другую. Их тут же формировали в десятки и сотни, поставив во главе опытных стражников. Безоружных немедленно отправили за оружием. Все это происходило в быстром темпе. А со стороны ворот уже слышались глухие удары – солдаты начали пытаться разрушать их, ударяя бревнами, что сделать было очень непросто. Ворота были не только окованы бронзовыми пластинами, но и хорошо укреплены сзади.

Быстро собрав десятников и назначенных сотников, гигант объяснил им, что надо будет сделать, после чего все защитники были расставлены надлежащим образом и в темпе провели несколько тренировок.

Когда высшие жрецы и верхушка городской стражи, так и не выработав никакого решения, решив просто сопротивляться, насколько хватит сил, наконец-то соизволили явиться с совета, командовать им уже было нечем. И стражники, и вооруженные жрецы уже находились напротив ворот под командованием гиганта с огромным мечом, который, не глядя, отбросил в сторону какого-то сотника, пытавшегося заявить свои права на командование.

Верховный жрец приказал никому не вмешиваться в управление, поняв, какую огромную работу по организации обороны за короткое время сумел выполнить скандинав, пока они только думали, что делать.

Гигант выбежал вперед выстроившихся стражников и жрецов и обернулся к ним.

– Все знают, что делать? – прокричал он, – помните, от вашей слаженности зависит, уцелеете вы или нет!

Нестройный утвердительный хор был ему ответом.

– Давай! – прокричал гигант, обращаясь в сторону ворот.

Бывшие возле них несколько жрецов, заметив знаки, подаваемые им, выбили подпорки, удерживающие ворота, и убежали прочь. Ворота распахнулись, и солдаты, бросив уже ненужные бревна, которыми они пытались таранить ворота, но, сказать правду, не нанесли им ни малейшего вреда, ворвались на большую площадь. Напротив них поодаль наготове стояло несколько длинных шеренг вооруженных жрецов. Тут же раздалось призывное пение рожков. Подчиняясь сигналам, дисциплинированные солдаты начали занимать свое место в строю.

Командующий солдатами Салманар уже не сомневался, что он сметет ненавистных жрецов. Против его тысячи выстроившихся в боевой порядок обученных солдат стояли всего-то две шеренги, человек двести, жрецов в белых длинных жреческих одеяниях, вооруженных короткими мечами и плотно прижавшись друг к другу. Сбоку от них, возвышаясь над всеми, находился какой-то гигант, возле которого стоял большой барабан.

Быстро построив своих солдат в глубокую колонну, чтобы легче было прорвать строй противника, Салманар дал команду атаковать. Солдаты медленным шагом начали приближаться к стоявшим неподвижно жрецам. Вот до них уже шестьдесят шагов, вот уже полсотни, а когда будет тридцать, можно будет переходить на бег и ударить всей солдатской массой. Салманар приготовился уже дать команду рожкам трубить всеобщую атаку, как стоящий сбоку жрецов гигант ударил в барабан. Тут же все стоявшие спереди жрецы упали ниц на землю. За ними открылись две шеренги солдат из корпуса городских стражников с натянутыми луками, одна из шеренг стояла, опустившись на колени, вторая стояла сверху над ней. Снова ударил

барабан. Каждый десятый из них выпустил стрелу, целясь в лицо солдатам. Те закрыли лица круглыми щитами, обтянутыми кожей, и тут же вся остальная масса луков одновременно выпустила стрелы, целясь по открытым ногам. Раздались вопли многочисленных раненых, возникла заминка в движении солдат, хотя до стражников было уже недалеко. Снова ударил барабан, стоявшая шеренга лучников быстро также рухнула на колени, открывая стоявшую еще одну шеренгу лучников. Снова свистнули стрелы. А стоявшая на колени первая шеренга лучников тоже была уже наготове. Барабан бил, не переставая, шеренги лучников, первая стоя на колени, вторая и третья попеременно поднимаясь, ритмично одна за другой выпускали сотни смертоносных стрел, целясь частью в лицо, частью по ногам. И солдаты, не зная, какую часть тела прикрывать, потеряв ранеными в основном в ноги треть состава, поняв, что у стрелков из луков цель не убивать их, а прогнать, не обращая внимания на крики командиров, бросились обратно к воротам.

Барабан умолк. Тогда жрецы вскочили на ноги и вместе с бросившими луки стражниками, громко крича, погнались за удирающими солдатами, вместе с которыми, проклиная свое войско, бежал и их командующий Салманар. В воротах возникла страшная давка. Солдаты давили друг друга, стремясь поскорее выбраться наружу. Их было слишком много, а ворота слишком узки для того, чтобы все проскочили через них сразу. А сзади напирала все новые солдатские толпы. На Салманара давили со всех сторон. Грудную клетку сдавило с такой силой, что он не мог вздохнуть. Полузадушенного командующего толпа вынесла через ворота, но вынесенный впереди него солдат уже был с остекленевшими глазами – он, как и многие другие, задохнулся, его легкие не выдержали страшного давления людской массы. Как только за воротами стало немного посвободнее, тело солдата сползло вниз, под ноги. Салманар, толкаемый сзади, споткнулся о тело солдата и упал, не удержавшись на ногах. А затем по нему, не дав подняться, промчались сотни человек, также спотыкаясь, иногда падая и уже не получая возможности подняться.

Скандинав остановил свое войско на подступах к воротам. Жрецы и стражники молча наблюдали за трагическим исходом через них солдатской массы.

– Это не армия врагов, – жестко сказал Абиратташ, когда кто-то из верховных жрецов заикнулся о том, что надо перебить и раненых, во множестве лежащих на земле, и солдат, стремящихся к воротам, – они не будут лишними в нашей будущей армии. Ими просто плохо руководили, и к тому же не те люди!

Как ни странно, но убитых было мало – всего около двух десятков солдат. Примерно сотни три их получили ранения в ноги, и жрецы вместо того, чтобы перебить их как напавших врагов, в уже наступившей темноте, подсвечивая себе факелами, начали заниматься их лечением.

Однако в воротах дело обстояло совершенно другим образом. Свыше сотни солдат были затоптаны и задавлены в страшной давке, включая командующего военным гарнизоном города Салманара.

У защитников храма было всего десятка три раненых, да и те своими стрелами в спину, когда в горячке стрельбы из лука они, находясь во второй шеренге, слишком прытко вскочили на ноги, сами подставившись под свои же стрелы, выпущенные задней шеренгой лучников.

7. Переворот

Ближе к середине ночи к зиккурату стали прибывать отряды вооруженных жрецов, а к утру появился и лояльный воинский корпус. Теперь уже верховный жрец Абиратташ, опираясь на военную силу, мог действовать по заранее составленному плану.

Первым же делом значительная часть воинского корпуса была направлена к казармам городского гарнизона и окружила их. Все военачальники гарнизона, кроме нескольких исчезнувших, на которых объявили розыск, были взяты под стражу и изолированы от солдат. Со степенью их участия в ночных событиях на следующий день начала разбираться специальная комиссия, главенствующую роль в которой играли жрецы, а остальными членами являлось руководство прибывшего корпуса.

Отряды жрецов в сопровождении стражников были направлены к домам ближайших советников бывшего царя, которые были явными недругами верховного жреца. И всех их, кого застали дома, тут же перебили вместе с детьми мужского пола. Нельзя было никого оставлять в живых – выросшие мальчики могли начать мстить. Женщин и детей женского пола захватили, чтобы или сделать наложницами, или продать в рабство.

Большой отряд солдат, ведомый жрецами, под утро окружил царский дворец. Под предлогом того, что многочисленных царских жен и наложниц будут перевозить на другой берег Евфрата для допросов, их мелкими группами вместе с детьми увозили к переправе, где всех тихо удавливали, а трупы сбрасывали в реку. Таким образом, еще затемно были истреблены все родственники бывшего царя, невзирая на пол и возраст – и царские жены, и наложницы, и их дети. Любой оставшийся в живых член царской семьи мог бы впоследствии предъявить права на престол, а Абиратташ не желал иметь проблем с этим в будущем.

Кроме того, верховный жрец считал, что и царские слуги были развращены служением царю и могли в дальнейшем выказывать жалость к нему, внося смуту в народ. Поэтому в течение следующего дня все до единого слуги мужского пола были закованы в цепи и отправлены в каменоломни, а женщин, не разбирая, это горничная, повариха или танцовщица, также закованных, отправили в отдаленную местность на самые тяжелые полевые работы.

Все сокровища из разоренных домов царских приближенных перекочевали в зиккурат. А в царском дворце появились и новый хозяин, и новые слуги, начавшие быстро его обживать.

Утром народ города проснулся уже под властью нового правителя, бывшего верховного жреца Амар-утука Абиратташа, принявшего титул и корону царя Кадингира и новое имя – царя Дамик-илишу. По всем городским площадям было объявлено о новом царе страны, о переименовании названия города в Вавилон и имени верховного божества в Мардука, и о новой внутренней и внешней политике нового же царя. В частности, о начале грандиозного строительства еще одного, уже второго, витка стен вокруг города, сулившего крупные долговременные заработки как поставщикам, так и непосредственно рабочим-строителям. Одновременно со стеной должно было начаться строительство нескольких храмов, посвященных Мардуку, в ближайших городах, и нескольких крупных дворцов для бывших верховных жрецов бога Мардука, а ныне ближайших царских советников. Кроме этого, объявлено о дополнительном наборе в армию.

Новый царь Дамик-илишу сразу же начал проводить в жизнь свою концепцию внутренней жизни страны, согласно которой жители должны не слоняться по улицам и голодать, а иметь твердый заработок, который в настоящих условиях могли дать только грандиозные государственные стройки. Для жителей была снижена плата за совершение религиозных обрядов, что оказалось очень дальновидно и в конечном итоге привело к Мардуку новых поклонников и значительно повысило доходы храмов. Была уменьшена повинность на строительстве и чистке

оросительных каналов, введена даже небольшая плата за участие в работах на них. Были отменены некоторые налоги с ремесленников, что в дальнейшем существенно оживило деловую жизнь в городе.

Существенным изменениям подверглись отношения государства и жрецов. Отменялись всякие поборы со жрецов, устанавливалась полная независимость храмовых хозяйств от царской администрации. Правда, взамен Дамик-илишу все же запустил руку в сокровищницу жрецов, изъяв некоторую часть ценностей на неотложные государственные нужды, ведь надо было сразу же осуществлять платежи за грандиозное строительство и оплату армии. Однако, это должно было быстро компенсироваться льготами, полученными храмами.

Что же касается внешней политики страны, то были созваны послы стран, с которыми Вавилон имел межгосударственные соглашения, и им было объявлено о продолжении добрососедского курса нового царя.

Годы спустя Вавилон под мудрым руководством царя Дамик-илишу превратится в могучее государство, союз с которым будут искать не только окрестные, но и дальние государства. А затем еще долгие тысячи лет Вавилон будет играть важнейшую роль в мировой политике. Но пока еще ни сам царь Дамик-илишу, бывший верховный жрец Абиратташ, ни его приближенные об этом даже и не помышляют, еще много воды должно утечь до этих времен в полномоводном Евфрате, а уже сейчас надо было решить эламский вопрос, ключ к будущему Вавилона...

Пока же появление на небосклоне Вавилона нового царского имени не встревожило соседние государства. Они и без того уже много лет имели дело с новым вавилонским царем, правда тогда его звали еще на Дамик-илишу, а Абиратташ. Но все прекрасно понимали, что, став царем, он продолжит свою же внешнюю политику.

Не тревожилось ни одно государство, кроме Аккада. Его царь Нарамсин сразу же понял, что с приходом Абиратташа к власти его стремления вовлечь Элам в свою орбиту встретят серьезное сопротивление. Прекрасно понимал это и посол Энпилухана, родного сына почившего эламского царя. Как только стало известно о короновании Абиратташа, он сразу же отправился к послу Аккада. Вдвоем они написали донесение о сложившейся обстановке царю Аккада Нарамсину и отправили его гонцом с охраной.

Через десяток дней взмыленный гонец привез ответ Нарамсина, а следующей ночью и посол Аккада, и посол Энпилухана бесследно исчезли из своих посольств, несмотря на то, что они усиленно охранялись снаружи городскими стражниками, получившими приказ докладывать обо всех передвижениях их обоих. Никто не видел, как они выходили из посольств. Об их исчезновении случайно узнали через аккадского посольского повара. Он всегда брал на близлежащем рынке одну из ароматических трав, которую добавлял аккадскому послу в еду. И вдруг перестал брать. Тотчас из дворца царя Вавилона прислали приглашение послу Аккада на беседу с вавилонским царем. Из посольства ответили длинным витиеватым посланием, в котором после длинных пожеланий вавилонскому царю и его домочадцам и приближенным здоровья и всяческих благ в конце было приписано, что в связи с временным выбытием посла Аккада на родину по семейным обстоятельствам его появление у царя Вавилона не представляется возможным. Такого же плана ответ пришел на приглашение и из посольства Энпилухана.

Итак, оба посла исчезли из поля зрения наблюдателей, и это был факт. В этот же день Хутрап, до сих пор проживающий в храмовом комплексе, был вызван в резиденцию вавилонского царя, который прислал для сопровождения полсотни солдат. Захватив с собой нового телохранителя, он без приключений добрался до царского дворца. Пройдя анфиладу богато украшенных комнат, в которых сновали многочисленные рабы, Хутрап попал в небольшой кабинет, в котором и находился бывший верховный жрец бога Мардука, а ныне царь Вавилона Дамик-илишу. Царь тут же отменил за ненадобностью все излишние церемонии, вроде падения ниц, обнял Хутрапа за плечи и усадил его в кресло с подлокотниками и невысокой спинкой.

Находившемуся при нем телохранителю, которым, конечно же, был гигант-скандинав, он указал на мягкий табурет у торца стола. Сам же опустился в кресло с другой его стороны.

– Все идет, как ты и предсказывал, – сказал царь, обращаясь к Хутрапу.

– Однако я думал, что в запасе есть еще с полдесяток дней, – покачал тот головой.

– Я предвидел, что их не будет, и предпринял меры, как ты уже мог убедиться. Хотя и сам чуть не опоздал. Однако все благополучно завершилось, во многом благодаря ему, – царь кивнул головой на скандинава.

– Я просто сделал то, что должен был сделать нормальный телохранитель, когда его подопечному грозит опасность, – усмехнулся скандинав, поняв, о чем идет разговор, – а в данной ситуации это был единственный выход, чтобы сохранить его жизнь.

– Ничего себе наняли телохранителя, – усмехнулся царь, – чтобы выполнить свою работу, уничтожает целое войско и, по сути дела, устраивает государственный переворот! Мы не в претензии, – одобрительно махнул он рукой скандинаву, когда тот попытался что-то сказать в свое оправдание, – ты действовал совершенно правильно и совершенно вовремя. Однако, если помнишь, тебя нанимали для охраны посла в дороге. И дорога ваша начнется очень скоро.

Царь помолчал.

– Через три дня, когда будут приготовлены дары Вавилона новому царю Элама Пели, ты уйдешь отсюда с караваном, – сказал он, обращаясь к Хутрапу, – увозя с собой завещание, а сейчас вы познакомитесь с начальником охраны каравана с дарами.

Жрец потянул витый шнурок, висящий над его головой. Где-то вдаль послышался удар в гонг. Еще через несколько мгновений в комнату скользнул молодой жрец в белых одеждах и склонился у входа.

– Позови Набонасара! – приказал ему царь.

Вскоре в комнату вошел высокий человек, разменявший четвертый десяток зим. Он был красив той особенной красотой, которую признавали в Вавилоне. В отличие от принятого в Египте изящества, тонкости линий и мягкой пластики движений, Вавилон эталон красоты признавал в массивности, резких линиях и силе. Всему этому соответствовал вошедший человек. У него было массивное, почти прямоугольное, тело с коротко по-солдатски постриженной головой, сильными руками, со шрамом от глаза до угла рта, пересекающим левую половину почти прямоугольного лица, придающим ему немного хищное выражение. Лицо заросло иссиня-черной бородой, подстриженной с сохранением четких углов на уровне верхней части груди. И без того темная кожа была загорелой до черноты. Внешность сразу же выдавала в нем ассирийское происхождение. На левом боку в тисненых ножнах висел бронзовый меч с украшенной позолотой рукояткой. Он остановился у входа и склонил голову.

– Знакомьтесь. Это тысячник Набонасар, кстати, командующий прибывшего нам на помощь корпуса. Он возглавит охрану каравана и будет лично отвечать за его счастливое прибытие ко дворцу царя Элама. А это...

Царь представил тысячнику посла Пели и его телохранителя, затем последовало несколько вопросов посла и некоторый обмен любезностями, после чего разрешил ему покинуть помещение, сказав, что у того еще будет уйма времени, чтобы обсудить с господином послом как маршрут движения, так и систему охраны каравана.

Тысячник послу сразу же решительно не понравился.

– Какой-то он слишком скрытный и угловатый, не люблю таких, – откровенно сказал он.

– А что ты скажешь? – спросил царь у скандинава.

– Опытный воин, – ответил тот, – смотрит прямо, не отводит глаз. Стойко держит удар – я специально немного сжал ему руку, он выдержал, не моргнув. Осторожен – к нам подошел таким образом, чтобы в случае чего сразу же суметь защититься, ответив ударом на удар. Немногословен – не сказал ни единого лишнего слова. То, что дослужился до должности тысяч-

ника, говорит о том, что умеет обращаться с солдатами и управлять ими в бою. Шрам на лице говорит о личной храбрости, о том, что не отсиживается за спинами солдат.

Хутрап, слушая скандинава, удивленно крутил головой.

– Как ты только сумел заметить все это? – спросил он.

– А ты молодец, – довольно сказал царь, – в одно мгновение сумел разглядеть его главные черты. Я добавлю только бесстрашие и некоторое упрямство. Это надо будет учитывать вам при движении каравана. Как бы то ни было, последнее слово всегда будет за тобой, мой дорогой Хутрап, – добавил царь, – но...

– Что за но? – уставился на него посол.

– Это касается твоего нового телохранителя. Однако, слушайте и запоминайте оба. Ты, – царь Дамик-илишу смотрел прямо в глаза скандинава, – принял предложенную работу, и все подробности ее узнаешь, сопровождая Хутрапа. А теперь главное в твоей работе. Ты будешь подчиняться только распоряжениям посла и никого, кроме него, и, более того, в чрезвычайных условиях, если они случатся, на время их действия, учитывая твой опыт и умение, которые ты доказал на деле, и посол, и начальник охраны каравана перейдут в подчинение тебе и беспрекословно будут выполнять то, что ты скажешь. Набонасар уже получил на этот счет специальные инструкции. Что наступили чрезвычайные условия ты, Хутрап, определишь сам. И что они, чрезвычайные условия, закончились, ты тоже определишь сам. Ты достаточно благоразумный для этого человек. А цель у тебя, Альрик, сын Бьерна, одна – что бы ни случилось, посол должен живым достичь резиденцию Пели, претендента на трон Элама, в городе Аншане. Я сказал! – пресек царь слабую попытку возразить, предпринятую Хутрапом, который только сокрушенно развел руками.

– И последнее, – закончил царь, – отсюда вы оба, по крайней мере, до отправления каравана, не сделаете ни шагу. И спать отныне будете в одной комнате. Я подозреваю, что не зря исчезли послы Аккада и конкурента Пели из Элама. Небось, готовят какую-нибудь пакость. Здесь сделать это я им не дам, ну а дальше... На все воля Мардука, особенно если и вы сами не будете плошать! А доставить Пели, кроме моих даров, вы должны вот это.

Дамик-илишу пошарил со своей стороны где-то внизу стола. Внезапно часть крышки стола пришла в движение, приподнялась и отъехала в сторону, открыв углубление, из которого царь извлек небольшой ларец, сработанный из дерева, украшенный искусно вмонтированными в него по всем линиям сгиба золотыми цветами. Ларец был обвит цветными шнурами, на которых висела печать царя Элама.

– В этом ларце и находится также опечатанный свиток, завещание эламского царя. Все это должно попасть в руки почтенного Пели. Вам понятно?

Посол и скандинав утвердительно кивнули головами.

– Ларец вы получите из моих рук непосредственно перед уходом.

8. Маршрут

Через три дня интенсивной подготовки большой караван под командованием тысячника Набонасара был готов двигаться в дорогу. В состав его входила сотня бактрианов, двугорбых мощных верблюдов, из которых на двух десятках навьючены были дары царя Вавилона – всевозможные золотые и серебряные украшения, драгоценное оружие, тончайшие ткани для жен Пели и еще уйма всяких приятных мелочей. На остальных нагружено продовольствие, вьюки для воды, шатры для сопровождающих и еще разные нужные в дальней дороге припасы. Сопровождали его пять десятков погонщиков и две сотни солдат. Половина солдат была на боевых дромадерах – одnogорбых верблюдах, вторая половина на конях. В дар Пели вели также десяток великолепных арабских скакунов, каждый из которых имел баснословную стоимость, с изогнутой шеей, тонконогих, чрезвычайно быстрых, за каждым из которых следил специальный конюх. В составе каравана было также до полусотни рабов и поваров.

За прошедшие три дня был оговорен и маршрут. Дамик-илишу предполагал его следующим.

Из Вавилона на плотах и кораблях по Евфрату караван достигнет города Ниппура, из него отправится на восток, переправится через еще один рукав Евфрата (в те чрезвычайно отдаленные времена Евфрат имел не одно русло, как сейчас, а два параллельных рукава). Далее следовал переход до города Ларака, стоящего на реке Тигр, где можно было без помех осуществить переправу через реку. Это было единственное место на маршруте, про которое заранее не было известно, как его преодолевать – то ли двигаться севернее, то ли южнее. Это надо было выяснять на месте и зависело от того, как караван сумеет переправиться через предыдущий рукав Евфрата – насколько течением снесет его на юг при переправе. И вообще, это были странные места. Рассказывали, что, несмотря на пору года, обширные пространства там всегда были скрыты туманной дымкой. Не единожды люди пытались пройти сквозь дымку, но никому это не удавалось. Через несколько сотен шагов туман настолько уплотнялся, что не видно было даже собственных ног. Осмеливающийся все же двигаться в этом тумане еще через несколько сотен шагов, сделав круг, выходил из него почти там же, откуда и входил в него, или не выходил вообще никогда. Однако, бывали дни, когда туман сильно рассеивался, и сквозь дымку удавалось разглядеть вдали то ли озеро, то ли солончаки да болота, а еще дальше виднелась роща финиковых пальм. То ли то был остров в центре озера или болот, то ли мираж в этом месте – этого не мог сказать никто.

Затем дорога лежала на восток уже практически по земле Элама в большой город Сусан (значительно позже переименованный и уже известный как Сузы, ставший к тому времени столицей Элама).

– К сожалению, как это ни жаль, Сусан придется обойти стороной, – заметил Хутрап, – мне дорога туда заказана. Правитель города Эпарти поставлен жрецами богини Пиненкир и опирается на них. А они смертельно боятся воцарения Пели, и караван просто исчезнет первой же ночью в городе, вздумай я туда заглянуть.

– Да, Пели после воцарения предстоит много работы по установлению своей власти, – заметил Дамик-илишу.

– Ничего, он работы не боится, – усмехнулся Хутрап, – и он будет не один, помощники всегда найдутся.

– Однако жаль, – продолжил царь, – я рассчитывал на то, что в Сусане твой караван пополнится дополнительной охраной.

– Ты думаешь, что к тому моменту в охране уже будет мало солдат? – спросил скандинав. Дамик-илишу взглянул на Хутрапа и опустил голову.

– Признаться, я думаю, что к Сусану от каравана ничего уже не останется, – помолчав, сказал он, – вот поэтому я и нанял тебя. Тебе предложены большие деньги, и ты постарайся получить их, завершив начатое. Видишь, я не скрываю, что работа предстоит сложная и опасная.

– Поживем – увидим, – усмехнулся скандинав.

– И да поможет вам Мардук! Однако, к делу...

После Сусана, направившись на юго-восток, и, переправившись через реку Карун, следовало двигаться до конечной цели пути – резиденции эламских царей города Аншана.

При разработке маршрута были учтены сведения, полученные при опросе купцов, бывавших в Аншане, а также знания самого Хутрапа, уже проделавшего этот путь, но только в обратном направлении, от Аншана до Вавилона.

Конечно, быстрее всего было бы двигаться все же другим маршрутом. Это признавали все. По нему сначала из Вавилона следовало бы против течения Евфрата подняться вверх до города Сиппара, а затем по восточному рукаву Евфрата доплыть до Персидского залива, и, спустившись по нему примерно наполовину, высадиться на сушу, а оттуда уже рукой подать до цели.

Однако против течения, скорость которого почти равнялась скорости идущего человека, то есть была достаточно существенной, выгresti на большом корабле или плоте было практически невозможно. Даже если пройти этот кусочек по суше, то восточный рукав Евфрата был совершенно неизученным местом, изобиловавшим внезапными отмелями, поворотами, и был при этом очень узким, что не обеспечивало необходимую безопасность плавания.

И, главное, по реке невозможно было пройти незамеченными мимо Лагаша, с которым у Вавилона были более чем напряженные отношения, да и разбойничьих шаяк на реке хватало с избытком. Даже если бы удалось счастливо выйти в Персидский залив, то там пиратство было настолько сильно развито, что местные прибрежные племена иногда только и жили за его счет, грабя проходящие у берегов караваны кораблей и плотов, если только их не сопровождала очень большая охрана. Но и сильная охрана часто была не в состоянии защитить весь караван от нападения.

И в принятом маршруте движения каравана с дарами имелись сложные участки, где караванная тропа проходила через территорию воинственных местных племен, но две сотни солдат сопровождения давали хорошую гарантию счастливого исхода всего дела. Хотя слова царя о том, что к Сусану от каравана ничего может не остаться, заставляли призадуматься.

Утром назначенного к отправлению каравана дня посол Хутрап в сопровождении телохранителя Альрика из настолько далекой, что почти мифической Скандинавии, явился в покои бывшего верховного жреца главного божества Мардука, а ныне полновластного властителя царя Вавилона Дамик-илишу. Тот ждал их, стоя у небольшого столика, на котором стояла уже известная запечатанная шкатулка с вложенным в нее завещанием.

Царь взял шкатулку и подал ее послу, который, опустившись на колени, принял ее на ладони обеих рук.

– Я обещаю, что доставлю ее по назначению, – торжественно-серьезно сказал посол.

– Шкатулка что, пришла в негодность и ее заменили? – внезапно спросил скандинав.

Посол и царь, переглянувшись, уставились на него.

– Э-э, с чего ты взял? – наконец, обретя дар речи, спросил царь.

– На той шкатулке, что ты держал в руках несколько дней назад, лепестки цветов на передней кромке были под другим углом.

– А-а, теперь я понял! – с некоторым напряжением засмеялся Дамик-илишу, – когда я готовил все для посольства, то осматривал шкатулку. И она выскользнула из моих рук и упала на пол, повредив орнамент сверху. Однако я тут же вызвал своего лучшего ювелира, и он к

вечеру доложил, что уже исправил все недочеты. Так ты говоришь, есть смещения лепестков? Каких?

Скандинав уверенно указал на четыре крайних от угла лепестка.

– Они попарно отклонялись вверх и вниз, – сказал он, – а теперь все четыре имеют одинаковый наклон.

– Это показывает, что мои люди далеко не совершенны, и могут обмануть и меня, если их жестко не контролировать! – раздраженно произнес царь и дернул за шнурок, свисающий с потолка.

Сразу же в комнату вбежал молодой жрец в белой одежде, один из секретарей правителя, и почтительно остановился у входа.

– Моего ювелира сюда, живо! – приказал ему царь, – приволочь в сопровождении четырех человек!

Жрец исчез, а спустя короткое время четверо сильных жрецов затащили в помещение испуганного человека в чистой разукрашенной одежде и бросили его к ногам царя.

– Что это? – закричал Дамик-илишу, хватая ювелира сзади за одежду и подволакивая к столику, на который снова была поставлена шкатулка, – я приказывал тебе отремонтировать ее, а ты не сделал это в совершенстве!

– Я не виноват... – залепетал было бедный ювелир.

Однако царь, не слушая, тыкал его лицом в шкатулку.

– Смотри! Последний раз я прощаю тебя! А чтобы он лучше запомнил, всыпать ему в соседней комнате двадцать палок, так, чтобы я слышал это и душа моя радовалась!

Не прекращающего что-то жалобно говорить ювелира дюжие жрецы вытащили в соседнюю комнату, оставив приоткрытой дверь, и тут же оттуда послышался свист палок и вопли избиваемого человека.

– Будем считать инцидент исчерпанным, – с удовлетворением произнес царь, обращаясь к послу, когда вопли утихли.

Посол согласно наклонил голову. Царь взял шкатулку, вышел в соседнюю комнату, откуда послышался его повелительный голос, и тут же без нее вернулся обратно.

– Скоро все будет исправлено. Подождем, – сказал он, сделав приглашающий жест рукой в направлении стоявшего в стороне столика, уставленного вазами с фруктами и кувшинами с прохладительными напитками. Прошло еще немного времени, и избитый ювелир на дрожащих руках сам вынес злосчастную шкатулку, у входа упал на колени, низко склонился, поставил ее себе на голову и в такой смиренной позе подполз к царю. Тот внимательно осмотрел шкатулку, взял ее, сказал ювелиру: – Ведь можешь, если хочешь! – и добавил: – Разрешаем удалиться!

Ювелир так же на коленях попятился и выполз из помещения.

– А теперь бери ее, она твоя! И береги!

Дамик-илишу снова передал шкатулку Хутрапу, который бережно уложил ее в небольшой мешочек.

– Я даю вам в дорогу еще двоих людей. Еще одна пара надежных мечей, я думаю, для вас лишней не будет.

Царь хлопнул в ладоши. В помещение вошли и остановились у входа два молодых черноглазых жреца с выбритыми головами в длинных белых одеждах.

– Это Шамши, – указал царь на более высокого жреца, – а это Бурна. Они из моих личных телохранителей. Им можно доверять, как мне. Впрочем, ваша дорога всех вывернет наизнанку и покажет, кто что стбит. Они поступают в твое распоряжение, – царь кивнул скандинаву, – и помни, они далеко не новички в этом деле.

– Если они не новички, то знают, что им делать, – в упор глядя на них, сказал скандинав, – а если что-то сделают не так, как мне надо, я просто сверну им шею!

– Внешность обманчива, – усмехнулся царь, – поверь, даже тебе это будет не так то и просто сделать. Конечно, они не сравнятся с тобой, – царь окинул взглядом фигуру скандинава, – но, поверь, мечом каждый из них владеет в совершенстве. И не только мечом. Они с детства готовились к поприщу телохранителей, и весьма преуспели в этом.

Молодые жрецы склонили головы.

– Мы не доставим вам дополнительных хлопот, – спокойно сказал один из них.

– Ну, вот и договорились, – довольно сказал Дамик-илишу, – однако, пора. На торжественном богослужении ждут только нас. Священная роща, как и сам зиккурат с храмом Мардука, находятся на другом берегу реки, и надо время, чтобы добраться туда. А ровно в полдень вы должны отплыть. Плоты и корабли уже готовы и загружены.

9. Богослужение и отправка

Богослужение должно было начаться в священной роще бога Мардука, имеющей равное значение с его храмом, расположенном по верху зиккурата. Удобство состояло в том, что священная роща располагалась неподалеку от берега Евфрата. Царь и посол в сопровождении большой стражи на лошадях, а не в носилках, быстро из царского дворца добрались до переправы через реку, где их уже ожидали корабли. Переправа не заняла много времени, и кортеж направился в сторону священной рощи. Вскоре охране уже пришлось расчищать дорогу: людей, желающих поглазеть на редкое зрелище торжественного богослужения, проводимого самим царем, который не снял с себя сана верховного жреца бога Мардука, было очень много. Охране приходилось частенько пускать плети в ход, оттесняя зевак в сторону. Как бы то ни было, вскоре кортеж был уже у священной рощи. Она была оцеплена солдатами и доступ в нее был закрыт. Все спешили. Царь ушел в небольшой храм, стоявший в зелени деревьев, а Хутрапа попросили ожидать начала церемонии в роще рядом с ним. Через некоторое время с другой стороны храма раздались звуки музыки, и посла пригласили пройти в ту сторону.

Перед парадным входом в храм находилась небольшая открытая площадь, на которой выстроены были жрецы в белых длинных одеждах. В голове колонны находились музыканты, играющие на инструментах, принятых в Вавилоне, к числу которых принадлежали лиры, лютни, флейты и ручные барабаны. За ними располагались певцы, песнопениями славящие богов. Далее были танцоры, своими танцами усаждающие богов, в танце показывающие сценки из их жизни. А за ними на увитых цветами носилках жрецы несли изображения бога Мардука, которое выносили только по большим религиозным праздникам, а его символы – золотые мотыгу, лопату и небольшое изваяние дракона Мушхуша.

Вот из дверей храма появился сам верховный жрец бога Мардука, сел в разукрашенные открытые носилки, которые чернокожие рабы подняли на плечи, и, махнув рукой, дал команду на начало церемонии.

Теперь, уже в движении, непрерывно заиграла музыка, запел хор, танцоры начали танцевать. А следом пришли в движение и остальные участники церемонии. За танцорами шли жрецы с корзинами, полными цветочных лепестков, которые они непрерывно бросали под ноги, так что символы бога Мардука проносили по живому ковру. За символами бога Мардука следовали носилки верховного жреца Абиратташа, который, играя роль жреца, снова назывался этим именем.

Сразу же за носилками верховного жреца, окруженными отдельной охраной в вызолоченных доспехах, несли носилки с посланцем Элама Хутрапом, за которыми на лошадях с вплетенными в гривы и перевязанные хвосты цветными ленточками ехали его телохранители – скандинав, Шамши и Бурна. Далее снова шла процессия жрецов в белых одеждах, несущих вино для возлияний в честь богов. По сторонам церемонию охраняли выстроенные с обеих сторон дороги цепочкой от храма до места отплытия посольства солдаты.

Пройдя небольшой путь до выхода за территорию священной рощи, процессия вышла в город. Удивительное зрелище предстало перед глазами скандинава. Вокруг процессии собрались огромные толпы народа. При старом царе, не жаловавшем жрецов бога Мардука, таких процессий было не более одной в год, по самому большому празднику, связанному с разливом реки. Теперь же страной управлял царь, одновременно являющимся верховным жрецом бога Мардука, и всем было интересно не только взглянуть на процессию и лично узреть нового царя, но и оценить новшества, привнесенные новым царем, про которого говорили, как о умном руководителе страны. Впрочем, за короткое время его нахождения у власти в этом убедились уже почти все. Уже разворачивались грандиозные стройки. Многие люди, работающие на них

и над украшением города, стали получать твердую оплату за свой труд. Значительно снизилось на улицах число не только праздно шатающихся попрошайек, но и нищих. Ведь теперь только полный лентяй не мог найти работу. Стражники повели усиленную борьбу с преступностью на улицах. Пойманных воров и разбойников безжалостно казнили. Перестали чинить препятствия ремесленникам. Город расцветал на глазах.

Тысячи людей стояли вдоль дороги, по которой шла процессия, бросая цветы под ноги жрецам. Многие люди из толпы были в разноцветных рубашках. У более простого народа она обычно доходила до колен и подпоясывалась кушаком. У более зажиточных рубашка была до пят и внизу украшена кистями. Некоторые были в так называемой каунакес, имитирующей мех одежду, вышедшей из незапамятных древних времен.

В связи с объявленным праздником среди стоявших было много и женщин, чья одежда отличалась от мужской только великолепной выделкой, коей всегда славилось Междуречье.

У мужчин, как правило, были длинные завитые бороды с вплетенными в них разноцветными нитями (у более богатых они были из золота), густые также завитые усы, начерченные брови, а сами лица побелены и нарумянены. При приближении к ним процессии люди воздевали руки к небу, воздавая хвалу богу, а затем падали ниц, прижимаясь лбом к земле, оставаясь в такой позе, пока символы бога Мардука и носилки верховного жреца не пронесут мимо них.

Наконец процессия приблизилась к месту, где находились плоты и корабли экспедиции. Отправляющиеся в плавание выстроились на берегу, желая получить божественное благословение.

Здесь надо сказать о средствах передвижения по воде, на которых должна была отправиться в путь экспедиция.

Как известно, в этих местах крайне мало лесов. Соответственно и пригодной для постройки кораблей древесины очень мало и стоит она слишком дорого. Поэтому основным транспортным средством экспедиции стали два с половиной десятка плотов, основу которых составляли кожаные наполненные воздухом меха. Сами плоты сделаны были из переплетенных прутьев. Сверху они также были стянуты кожей. Плоты были достаточно больших размеров, чтобы нести десятка полтора верблюдов. Кроме них, среди плавсредств было с полдесятка кораблей. Они были большие, совершенно круглой формы, и также сплетены из крепких ивовых прутьев, снизу обтянутых кожей. Каждый плот и корабль управлялся парой рулевых весел, располагающейся в его задней части, которыми обычно управляли двое людей, один из которых тянул одно из весел к себе, а другой отталкивался.

Процессия остановилась на специально оставленном свободном месте перед плавсредствами посольства. Жрецы обнесли каждый плот и корабль символами бога Мардука, совершая возлияния в его честь, наполняя специальные золотые кубки священным вином и поливая им все вокруг. Затем верховный жрец приблизился к стоящему впереди послу и благословил его, собственноручно дав пригубить священного вина. Отплывающие взошли на плоты и корабли, оттолкнулись от берега, и быстрое течение тут же подхватило их своими струями.

10. Плавание по Евфрату

Вскоре процессия исчезла из глаз отплывших людей, а мимо плотов и кораблей по обоим берегам Евфрата быстро пробежали многочисленные городские трех- и четырехъярусные постройки с плоскими крышами. С правой стороны, там, где был царский дворец, рассматривать панораму города мешала построенная вдоль кромки берега стена, в которой напротив каждой улицы были сделаны ворота, открытые днем и закрывающиеся на ночь. Кое-где такая же стена уже была сделана и по левому берегу, но работы по ее возведению там были еще в самом начале.

Хутрап сидел на невысокой мягкой скамеечке в передней части плота. Рядом с ним стоял скандинав, рассматривая набегающую панораму города. Чуть поодаль, по-восточному скрестив ноги, с бесстрастными лицами, будто бы ушедшие в себя, сидели Шамши и Бурна. Их неподвижность отнюдь не смущала скандинава. Он понимал, что в случае какой-либо опасности переход к действию у обоих жрецов будет практически мгновенным. Они ведь, несмотря на молодость, были высокочлассными телохранителями. А в том, что они любой ценой постараются выполнить поручение верховного жреца по охране особы посла, он не сомневался.

– Эта часть города защищена пока еще не особо, – нарушил молчание скандинав, кивая на городские постройки левого берега, где среди них возвышалась громада зиккурата.

– Нынешний царь Дамик-илишу достроит эту стену за несколько ближайших лет, – заметил подошедший к ним Набонасар, – я собственными ушами слышал, как он давал такое поручение городским зодчим.

– Кроме того, он будет строить вокруг города еще одну стену, – сказал Хутрап.

– Разумно, – согласился скандинав, – а то ведь в случае осады города между стенами обычно выращивают урожай, помогающий прокормить население и войско, а у Вавилона такого межстенного пространства до сих пор нет.

– Это дело поправимое, – Хутрап поправил прическу, начавшую разрушаться от встречного ветерка, – не забывай, что город Кадингир еще только начинает зваться Вавилоном, еще далеко не все привыкли к этому имени. Да, кстати, а почему на плотках находятся ослики? – он кивнул на плот, плывущий спереди них, в задней части которого меланхолично жевали траву четыре ослика.

На плотках, находящихся позади, также было по несколько осликов.

– Ты не местный, – засмеялся Набонасар, – поэтому не знаешь!

Скандинав также улыбнулся.

– Все очень просто, – продолжал пояснять начальник охраны каравана, – видишь, как быстро мы плывем? Течение реки очень сильное. Добравшись до Ниппура, мы высадимся на берег, плоты разберем и продадим на дрова. Однако кожа дорого стоит, тем более уже сшитая по размеру кораблей, поэтому в торговых караванах ее подсушивают, грузят на осликов и отвозят домой, чтобы обтянуть затем новые корабли или плоты.

– Однако мы не собираемся возвращаться, – заметил посол.

– Но из Ниппура мы пойдем к восточному рукаву Евфрата, через который надо будет еще переправиться. Если не взять с собой кожу, как мы сможем сделать плоты для переправы?

– А почему ты решил, что нам надо будет строить столько же плотов и кораблей, что есть у нас сейчас? – спокойно спросил скандинав, – на мой взгляд, ты сделал ошибку, взяв осликов на каждый плот и корабль, перегрузив их этим. Видишь, большая часть плотов еле выступает над водой. Сейчас у нас два с половиной десятка плотов и полдесятка кораблей. При переправе через второй рукав реки, я думаю, достаточно будет пяти плотов. Нам же не сплавляться, а только переправиться. Мы выиграем за счет уменьшения количества плотов дня два-три, если

не больше. Изготовить их полдесятка – это не три десятка. А переправа – это быстро. За день все сделаем.

– А ведь он, пожалуй, прав, – заметил посол.

– Как-то я не подумал сразу об этом, – сокрушенно сказал Набонасар, – да ладно, в Ниппуре продадим и лишних осликов.

Первое время берега реки были усеяны усердно работающими крестьянами. Во многих местах стояли «журавли», поднимающие воду из реки вверх, откуда она по деревянным выдолбленным половинкам труб распределялась на поля. Затем поля стали попадаться все реже и реже, пока вовсе не перестали встречаться.

Громада зиккурата с храмом на вершине еще долго поднималась над горизонтом, пока и она не растаяла вдаль. Теперь вокруг по берегам великой реки Евфрат были только невысокие холмы, покрытые степной растительностью, еще не начавшей выгорать на уже жарком солнце.

Во многих местах берега густо поросли тростником, по которому, как по воде, ходили волны, вызываемые небольшим ветром.

Изредка по берегам встречались небольшие, домов в пять-десять, деревушки. Тогда вокруг них зеленели отобранные у засушливой земли поля, засеянные пшеницей и льном, хорошо произрастающих в местных условиях, а на склонах близлежащих холмов паслись отары овец.

Завидя плывущий по реке караван, как правило, от деревушек отделялись одна-две небольшие лодки, с которых местные жители на ходу пытались продать что-нибудь из съестного – сыр, вяленое мясо. Предлагались также изделия из шерсти – ковры, теплые накидки.

Ближе к вечеру подплывшие со своим товаром местные жители обмолвились, что дети-пастухи сегодня видели вдали отряд всадников, быстро скачущих вдоль реки в направлении, попутным ее течению. То есть движение всадников совпадало с движением каравана.

Набонасар отдал приказ плоты повернуть к берегу, благо он почти везде был пологим, и пристать к нему в любом месте было нетрудно. По его просьбе отыскали и привели двоих мальчишек, старшему было зим двенадцать-тринадцать, младшему около десяти. По их рассказу, они оставили отару пастись у подножия холма, а сами поднялись на его верхушку, намереваясь просто полежать там, и тут младший из них, самый остроглазый, разглядел двигавшееся в их сторону темное пятно на горизонте. На всякий случай они припали к земле, слившись с травой, стараясь не высовываться. Обиная холм с другой стороны, быстро промчалась группа всадников. Их было несколько десятков, одежда отличалась от местной. Все вооружены. Отару, пасущуюся с другой стороны холма, они не заметили и умчались дальше.

Набонасар бросил каждому из них мелкую монету, которую они ловко подхватили грязными ладонями и тут же, засунув за щеку, убежали прочь.

Появление неизвестных всадников заставило усилить бдительность. Теперь караван плыл уже не у берега, а выходил ближе к середине уже широкой реки. И с берега стрелами достать его было уже невозможно. Не только на идущем впереди плоту, но и на всех других плавсредствах были выделены наблюдатели, которые должны были следить за берегами. Впрочем, всадники могли быть охраной какого-нибудь заезжего посла или местного богатея, отправившегося, например, на охоту. Совсем необязательно их появление несло угрозу. Однако начальник охраны каравана Набонасар никакие меры предосторожности не считал излишними и постоянно был настороже. Однако все было спокойно, и до того времени, когда уже надо было останавливаться на ночевку, ничего особенного не случилось. Плоты и корабли сработаны были добротно. Ни один из кожаных мешков, основа плотов, не спустил воздух, не протек ни один из швов сшитых кож на днищах кораблей. Все было просто идеально.

Продолжать плавание ночью было нельзя. Река изобиловала поворотами, изредка встречались отмели, а при большой скорости течения быстро отвернуть большие плоты в сторону было практически невозможно.

Набонасар дал команду пристать к берегу на ночевку, когда спереди по левому борту показалась какая-то небольшая, домов в пять, деревенька. Пока плоты направлялись к берегу, быстрое течение уже унесло караван вниз за деревню. Вскоре на берегу уже устанавливали шатер для посла, сводили с плотов и кораблей лошадей и верблюдов, чтобы дать им возможность подкормиться и размяться, разжигали костры и ставили на огонь котлы. Набонасар на вершинах близлежащих холмов выставил караулы.

Шатер ставили только для посла. С ним в шатре ночевал также и скандинав, которому это вменил в обязанности царь Вавилона Дамик-илишу, нанимая охранником Хутрапа. Все остальные спали под открытым небом, благо ночами было очень тепло. Правда, очень донимали комары, однако у каждого была специальная накидка от них. Но горе было ночью тому, у кого открывалась хотя бы какая-то часть тела. Она сразу же становилась обеденным столом для комариных полчищ, и человек, проснувшись от жгучей боли, еще долго после этого не мог заснуть снова, а волдыри от комариных укусов еще долгое время страшно зудели и чесались.

А вскоре после того, как первые дымы поднялись вверх, с одного из холмов передали сигнал о том, что сюда направляются какие-то люди. Во главе полусотни всадников начальник охраны каравана поспешил к ним навстречу. Людями оказались старейшина деревни в сопровождении еще троих мужчин. Их провели к послу. Оказалось, что они видели проплывающий караван и правильно предположили, что караванчики остановились здесь на ночевку. Старейшина пригласил Хутрапа на ночлег в деревню, но тот отказался, сославшись на большую усталость после длительного плавания, но пообещав утром перед отплытием обязательно заехать в деревню. В ней проживало всего-то десятка три человек, включая женщин и детей. Проплывающие мимо останавливаются здесь крайне редко, и все будут рады увидеть свежего человека. На осторожные расспросы о всадниках старейшина уверенно отвечал, что никто из деревенских уже давно посторонних не видел. А на лошадях здесь вообще никто не передвигается – река под боком. Посол подарил старейшине кинжал в узорчатых ножнах, старейшина, в свою очередь, подарил послу небольшой красиво вытканый коврик ручной работы с толстым ворсом. После чего старейшина со своим сопровождением удалился.

11. Нападение амореев

Вскоре ночь окутала землю своим покрывалом. Яркие звезды гирляндами рассыпались по небу. Из-за ближайших холмов изредка слышалось противное тьяканье шакалов и пронзительные вопли гиен. В воздухе время от времени выплывали пируэты летучие мыши и, пугая сторожей, низко над ними проносились ночные хищники с огромными глазами – совы.

А ближе к утру в шатер Хутрапа вбежал Набонасар.

– Неладно в деревне, – быстро сказал он, – зарево в той стороне, дома горят.

Весь лагерь был уже на ногах. Солдаты в полном вооружении тревожно поглядывали в сторону освещенного пожаром неба. Вскоре во главе полусотни всадников Набонасар уже мчался в сторону деревни. С ними отправился и скандинав.

Они по берегу реки, огибая небольшие холмы, быстро мчались вперед. Местность была ровная, ям и ловушек опасаться не приходилось. Всадники из-за холмов вырвались к деревне и поскакали вперед, охватывая ее полукольцом. Там уже всюду горели хозяйственные постройки, стога сена. Вовсю пылали четыре из пяти домов. А в последнем, пятом доме, огонь еще только начинал охватывать одну из стен.

Неизвестные всадники, суетившиеся у построек, едва заслышав приближающийся топот копыт, вскочили в седла и помчались в степь. Преследовать их в темноте не имело смысла – не известна была ни их численность, ни дальнейшие намерения. Не приведут ли они ночью в засаду? Это никто не мог сказать.

От пожара вокруг было светло, как днем. К четырем горевшим домам подступиться уже было невозможно. Набонасар первым подскочил к только разгоравшемуся дому, с ходу вышиб дверь и ворвался внутрь него. Следом, держа наготове меч, в дом вбежал скандинав, за ним несколько солдат. В нос ударил запах крови. Пожар, бушевавший в соседних домах, хорошо освещал все внутри. У порога лежал старейшина с проломленной головой. Из троих молодых мужчин, пытавшихся защищаться, двое были буквально утыканы стрелами, а у одного просто отрублена голова. Их мечи находились тут же, на полу. Воспользоваться ими они не успели. На них не было следов крови, нападение, суля по всему, было внезапным и одновременно на все дома сразу. На лавках вдоль стен с разбитыми окровавленными головами лежали женщины и дети. Из деревни не уцелел никто, ни один житель. Кто это сделал? Зачем? Кому мешала мирная деревня? Ответов не было. А в доме уже начала гореть и крыша.

– Уходим, а то сгорим и сами, – зло скомандовал Набонасар.

– Похоже, одна из женщин жива! – внезапно закричал один из солдат, – только что шевельнулась!

– Хватайте ее и быстро из дома!

Солдаты, подхватив на руки единственную оставшуюся в живых жительницу деревни, быстро выбежали наружу, а дом тут же, словно ожидая, пока его покинет единственный живой его житель, запылал всем своим объемом.

– Еле успели, – сказал кто-то из солдат, еще бы чуток, не успели бы уйти из огня!

Сразу же стали осматривать спасенную женщину. Это была совсем еще юная девушка, разменявшая шестнадцать-семнадцать зим. Природа наградила ее поразительной красотой. Смертельный удар проломил лавку рядом с ее головой, слегка задев голову и нанеся небольшую рану на виске. Судя по всему, от удара она потеряла сознание. На широкой лавке она спала с маленькой сестричкой, которой также проломили голову, и ее кровь залила и саму девушку. Это и спасло ее от повторного удара. Нападавшие сочли девушку мертвой и поэтому не добились ее.

Больше в деревне спасать было некого. Дома рухнули, подняв вверх снопы искр. Набонасар оглядел картину разрушений, вскочил на коня и поехал в сторону лагеря.

– Когда-нибудь я поймаю тех, кто это сделал, – сквозь зубы сказал он скандинаву, молча ехавшему рядом.

Так и не пришедшей в сознание девушке осторожно обмыли от крови голову и наложили на рану повязку. Ее несли на носилках, тут же сделанных из подручных материалов, четверо солдат.

В лагере девушку еще раз осмотрел лекарь, сказав, что ей повезло, физически она сильно не пострадала и ей просто надо прийти в себя от потрясения. Он дал ей понюхать какой-то из своих составов. Девушка начала приходить в себя, громко застонала и схватилась за голову. Затем обвела непонимающим взглядом собравшихся вокруг вооруженных мужчин.

– Где я и что со мной? – тихо, почти шепотом, спросила она.

– Ты ударилась головой, скоро все пройдет, – мягко сказал лекарь, – но тебе надо некоторое время полежать.

– А где мой отец? Где сестры? Почему никого нет?

Она попыталась было сесть, но голова ее бессильно опустилась на носилки. Из закрытых глаз выступили слезы.

– Утром все расскажем, а теперь спи, – сказал лекарь, осторожно приподнял ее забинтованную голову и приложил к губам растворенное в воде снадобье.

Девушка сделала несколько глотков. Вскоре дыхание ее стало ровным.

– Она спит. Я дал ей снадобье для сна, – сказал лекарь, повернувшись к послу, – это теперь единственное средство лечения, которое ей необходимо – крепкий сон. И спать будет долго.

Девушку уложили в шатре.

Хутрап, Набонасар и Альрик присели у небольшого костра. Шамши и Бурна тоже присели рядом. Спать никому не хотелось. Все молча смотрели на пляшущие язычки пламени.

В воздухе звенели комары, отгоняемые дымом костра, да на реке кричала какая-то птица. Шакалы и гиены примолкли, испуганные внезапным шумом в лагере людей.

– Не понимаю я, – наконец нарушил молчание скандинав.

– Что не понимаешь? – переспросил Хутрап.

– Ничего не понимаю, – с досадой сказал скандинав.

– Что тут непонятного? – удивился Набонасар, – разбойничья группа хотела напасть на караван, но увидела, что он под надежной охраной, и напала на деревню, желая там пожить чем-нибудь.

– Не все так просто, – покачал головой Альрик, – в домах убиты все без различия пола и возраста.

– Ну и что? – возразил Набонасар, – я не раз видел такое, когда убивают всех тех, кто может рассказать про напавших. Так обычно делают, чтобы замести следы.

– А для чего тогда убивать младенцев, которые точно ничего не смогут рассказать? И ты обратил внимание? Они перебили всю живность, перерезали весь скот, собак, всех, кто мог двигаться. Зачем? При этом они и не скрывали, кто они.

– Как понять твои слова? – удивленно спросил Хутрап, – ты знаешь, кто они?

Вместо ответа скандинав извлек отломанные наконечник стрелы и ее оперение и протянул послу. Передавая из рук в руки, все начали рассматривать их.

– Я отломил это от стрелы, вонзившейся в стену в доме. Все остальные стрелы были такими же, – пояснил скандинав, – взгляните на оперение. Видите, на нем чередование черных и коричневых перьев? А взгляните и пощупайте грани наконечника стрелы. Они зазубрены на манер гарпуна, так, чтобы легко зайти в тело, но невозможно было вытащить. Я видел такие стрелы только у амореев, западных кочевых племен. Откуда здесь, далеко на юго-востоке,

могут взяться амореи? Какова цель их бессмысленной жестокости? Запугать нас? Это не так и просто. Тогда что?

– Возможно, ты прав, – тихо сказал посол, – но, пожалуй, этого мы не узнаем. А ведь это только первые шаги длинного пути. Однако, скоро рассветет, надо будет отправляться дальше.

– А с ней что делать? – кивая на шатер, спросил Набонасар.

– Возьмем с собой до Ниппура, возможно, у нее там есть какие-нибудь родственники, – решил Хутрап, – ну не бросать же ее здесь? А там видно будет.

12. Водоворот

Наличие у экспедиции значительного количества животных диктовало порядок плавания. Конечно, можно было набрать с собой достаточное количество корма для них и плыть без остановок. Однако на весь огромный путь набрать корм для животных было просто нереально. Лишь для десятка породистых скакунов везли ячмень в достаточном количестве. К тому же поздняя весна еще была в разгаре, и травы вокруг было вдосталь. По расчетам, остановка на обед к середине дня никак не влияла на порядок движения. Эта остановка была запланирована, и к вечеру посольство должно было прибыть в Ниппур, как было задумано.

К полудню, к моменту остановки, девушка пришла в себя. Нетвердо ступая, она спустилась с плота на берег, подошла к костру, у которого сидели Хутрап, скандинав и Набонасар.

– Вы меня похитили? – спросила она, бросая на сидящих из-под лба быстрые взгляды, – мой отец и братья пустятся в погоню и догонят вас!

Сидящие у костра переглянулись. Она ничего не помнила о вчерашнем и еще ничего не знала о гибели всех своих родных.

– Садись у костра, бери мясо, видишь, скоро пережарится, – сказал Набонасар.

– Вы мне ничего не ответили! – она не двинулась с места.

– Бедная девочка, – вздохнул Хутрап и встал.

Он подошел к девушке, приобнял ее за плечи, подвел поближе к костру и усадил на коврик, полученный в подарок еще вчера от ее отца.

Она присела, вопросительно глядя на мужчин.

– Давай сначала познакомимся, – сказал посол, – я Хутрап, посол Эламского государства, это Набонасар, начальник охраны посольства, это Альрик, мой личный телохранитель. Мы направляемся далеко, очень далеко, в Элам, везем подарки его будущему царю. А ты кто?

– Меня зовут Энинрис. Я дочь старейшины деревни. Почему вы взяли меня с собой?

Наступила тишина. Мужчины молчали, глядя на огонь костра.

– Что вы молчите? Что случилось? – в ее голосе снова зазвенели слезы.

– Крепись дитя мое, – наконец нарушил молчание Хутрап, – на вашу деревню сегодня ночью напали амореи. У тебя больше нет ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер. Они перебили всех. Ты единственная, кто уцелел.

По мере того, как он говорил, ее глаза расширились, наполнялись слезами.

– Это неправда, не может быть... – тихо прошептала она, переводя взгляд с одного лица на другое.

Молчание мужчин подтвердило слова посла. Тогда она упала на траву, закрыла голову руками, и ее тело задрожало от приступов рыданий.

Хутрап сел рядом с ней и молча гладил ее волосы.

Постепенно приступов рыданий становилось все меньше и меньше, она понемногу приходила в себя. Затем под сочувствующими взглядами мужчин она с залитым слезами лицом села и выпила большую кружку воды.

– Ты можешь говорить? – спросил посол.

Она утвердительно кивнула головой.

– У тебя есть где-нибудь родные, куда ты могла бы поехать? Я оплачу переезд, как бы дорого это ни было.

– У меня никого не осталось. Здесь жили все, – справившись с собой, тихо говорила она, – нас три зимы назад переселили сюда для освоения этих земель. У отца и матери других родственников не было, они сироты. В других домах жили взрослые братья и сестры с семьями.

Может, еще кто-нибудь жив? – она с надеждой переводила взгляд, но молчание сидящих людей было очень красноречивым, и ее глаза снова наполнились слезами. Она вытирала их рукавом.

– Наша дорога очень длинная и тяжелая, женщинам у нас не место, – тихо сказал Набонасар, поправляя хворостиной и без того аккуратный небольшой костер.

– Неплохо бы было пристроить ее где-нибудь в Ниппуре, – задумчиво сказал скандинав.

– Там будет видно, – решил посол, – на месте подумаем и определимся.

Вскоре плавание возобновилось. Однако теперь плот, на котором находилось руководство посольской экспедиции, был передним в длинном караване. Пейзаж по берегам не изменился. Все те же поросшие весенней травой невысокие холмы да изредка заросли тростника по обоим берегам реки.

Энинрис ушла вперед, на нос плота, и там, подставив лицо встречному ветерку, молча стояла, глядя невидящими глазами вдаль. Никто ее не тревожил, сочувствуя горю.

Вдруг она обернулась назад и что-то крикнула, показывая на левый берег. Все взглянули в направлении ее вытянутой руки. Там впереди, у уреза воды, находилась какая-то одинокая фигура. А на близлежащем холме за ней виднелось несколько неподвижных всадников. Плоты были достаточно далеко от берега, да и до фигуры на берегу было еще порядочно. Набонасар хотел уже на всякий случай дать команду плотам отойти подальше от берега, поближе к середине реки.

Фигура держала вверх обе руки, как бы творя заклинания. Энинтрис с большими от страха глазами подбежала к послу, крича, что надо не на середину реки править, а к берегу, и все время показывала на легкую туманную дымку, затянувшую середину реки.

– Там, там... – захлебываясь, кричала она, не в силах продолжать, – опасность!

От нее было просто отмахнулись, но вдруг впереди каравана плотов напротив фигуры с поднятыми руками прямо на середине реки небольшой сгусток тумана рассеялся ветерком, а на его месте остался водоворот. Вода описывала круг. Такие водовороты изредка появлялись на реке на месте промоин, это не было новостью для плавающих по ней. Обычно их огибали стороной, и на этом все заканчивалось. А через какое-то время эти водовороты рассасывались сами собой.

Водоворот был еле заметен из отдаления, но по команде Набонасара, на которого крики девушки произвели должное впечатление, плот повернули к противоположному, правому берегу, огибая его. Однако водяная воронка на глазах расширялась, вовлекая в себя все большие массы воды. Быстрое течение влекло плоты и корабли прямо в нее. Не все плоты успели сдвинуться в сторону. Вскоре край водоворота уже захватил часть из них, и они начали описывать огромную циркуляцию. Гребцы на рулевых веслах совершали отчаянные гребки, но ничего не могли сделать. Вскоре десяток плотов и несколько кораблей, захваченных водоворотом, уже кружились в дьявольском танце, с каждым витком спирали приближаясь к его центру, и люди на них ничего не могли сделать. Остальные плоты и корабли все же успели пристать к берегу. А что это дьявольский танец, сомнений не было, так как удалось разглядеть странный головной убор на голове стоящей на берегу фигуры. Это был череп гиены.

– Колдун, проклятый аморейский колдун! – воскликнул Набонасар.

Скандинав кинулся к своему мешку, схватил его и бросился к одному из успевших пристать к берегу кораблей.

– Все на берег, бегом! – скомандовал он.

Солдаты испуганно рванулись на берег. На этом корабле находились и арабские скакуны, которых, обрезав привязь, скандинав просто согнал с корабля, не заботясь, куда они будут прыгать, в воду или на берег.

– Отталкивайте корабль от берега! – скомандовал он, не спуская глаз с фигуры колдуна.

Солдаты оттолкнули легкий корабль от берега, и он тут же был вовлечен в круговое движение водоворота, котороехватило уже все пространство от берега до берега. Скандинав же, не обращая на это внимания, начал лихорадочно развязывать свой мешок. А попавшие в водоворот плоты и три более легкие корабля, неумолимо вращая, с каждым витком тащило все ближе к центру губительной воронки. Ближе всех к центру воронки оказались более легкие корабли. Люди с них прыгали в воду, пытаясь спастись, но только быстрее скрывались в пучине. Та же участь постигла и спрыгнувших с гибнущих кораблей верблюдов и лошадей. Наконец и сами эти корабли один за другим скрылись в гигантской воронке. Плоты ожидала такая же участь. Люди на них сжались от ужаса, не в силах бороться с грозящей смертельной опасностью. Некоторые, не выдержав напряжения, поддавшись панике, также бросались в воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.